

**ПРЕДЕЛ
УПРУГОСТИ**

Александр Андреев
Предел упругости
Серия «Хроники нового
Средневековья», книга 2

<https://litres.ru/74317008>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вторая книга дилогии «Хроники нового средневековья». Роман о том, что происходит, когда безопасность становится тюрьмой, забота — скальпелем, а эмоции — самым дорогим товаром. И о тех, кто отказывается забывать, как звучит живой голос.

Для читателей Оруэлла, Исигуро и зрителей сериала «Чёрное зеркало», которые верят, что фантастика обязана задавать неудобные вопросы.

Содержание

Глава 1. Сталь-тепло	4
Глава 2. Короткое замыкание	15
Глава 3. Журнал наблюдений	27
Глава 4. Смерть профессора	37
Глава 5. Предложение из тени	45
Глава 6. Растяжка	58
Глава 7. Корреляция	65
Глава 9. «Сверчок»	75
Глава 10. Острова	88
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Предел упругости

*«Они могут выяснить до мельчайших
подробностей все, что ты делал,
говорил и думал, но душа, чьи
движения загадочны даже для тебя
самого, остается неприступной».*
Джордж Оруэлл. 1984. (1949 г.)

Глава 1. Сталь-тепло

ЛОГ-ЗАПИСЬ РАССЛЕДОВАНИЯ

Инцидент #12427-140343

Место: Ресторан «Als Thuis»

Дата: 14 марта 2043 г.

Субъект анализа: комиссар Мартин Ван ден Берг, Федеральная полиция, отдел особых расследований

Материал: голозапись 360°, камеры ресторана, камера дрона

Мартин щёлкнул пальцами. Над столом развернулось голополе.

12:48. Камера №3. Кухня.

Кабинет потускнел. Вместо него пришла кухня — большая, жаркая, собранная в тугой рабочий ритм. Пар поднимался над плитами, люди двигались быстро и точно, не задевая друг друга. Звяканье посуды, шипение масла на ско-

вородах, короткие команды — всё сливалось в один непрерывный, отлаженный гул. Всё шло как должно.

В углу интерфейса загорелась подпись:

ШЕФ-ПОВАР АРНО ДЕГРЕЙВ. 54 ГОДА. ИНДЕКС ГАРМОНИИ: 7.2

Арно улыбался поварёнку, показывал на ёмкость с соусом, что-то объяснял коротким движением пальца. Система пометила: инструктаж.

Затем шеф-повар повернулся к магнитной стойке и снял два больших ножа. Быстро провел несколько раз друг об друга.

Замер. Прислушался.

Сталь о сталь.

Лезвие об обух.

Ровно.

Почти музыкально.

Движения продолжились, но стали медленными, какими-то механическими. Он не смотрел на руки. И это сразу цепляло глаз. Человек обычно смотрит на лезвие, когда точит нож. Этот — слушал.

Мартин вывел поверх записи биометрию.

Су-шеф Антуан прошёл мимо, спиной к Арно. На подносе — шоколадный десерт, съедобное золото, глянцевая тонкость для дорогих людей, у которых всё должно быть вовремя.

Статус Антуана: лёгкий рабочий стресс, норма.

Арно развернулся плавно, без рывка. Вскинул руки, как дирижёр перед вступлением.

Первый нож вошёл под ребро.

Не зло.

Не в ярости.

Точно.

Антуан всхлипнул. Поднос выскользнул из пальцев, тарелка ударилась о кафель и разлетелась. Шоколад, золото, белые осколки.

На экране всплыло окно:

*РЕЗКИЙ ВЫБРОС АДРЕНАЛИНА У СУБЪЕКТА АРНО
ДЕГРЕЙВ*

ПАТТЕРН НЕ КЛАССИФИЦИРОВАН

Мартин чуть подался вперед.

— Вот это уже интересно, — сказал он.

Арно пошёл вдоль раздачи, ступая по разметке, будто продолжал обычный маршрут. Второй нож работал коротко, экономно. В кадр попадали поднятые руки, перевёрнутые противни, открытые рты. Кто-то отскакивал. Кто-то не успевал.

Звук на записи был приглушён протоколом. Но недостаточно, чтобы сделать всё чистым.

Влажный удар.

Срыв дыхания.

Чужой хрип.

Что-то тяжёлое упало.

12:52. Камера основного зала.

Дверь кухни распахнулась.

Арно стоял на пороге, залитый красным. Кровь с ножа падала на паркет редкими тяжёлыми каплями.

За ближайшим столом мужчина в тёмном костюме поднял бокал — и только потом глаза. Подсказка вспыхнула сама:

*ЖАН-ПОЛЬ ДЕЛАТР. НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ СОВЕТ
«ЕВРО-КРЕДИТ БАНК».*

Большая шишка, подумал Мартин.

Делатр нахмурился с привычным раздражением человека, чьего недовольства обычно достаточно, чтобы мир пришёл в норму.

— Какого чёрта?..

Арно подошёл со спины.

Нож скользнул по горлу.

Бокал выпал из руки Делатра, ударился о скатерть и покапался, разливая вино. Кровь пошла следом, быстро и густо впитываясь в белую ткань. Женщина напротив вскрикнула и отшатнулась, сбив стул.

Мартин остановил запись.

В кабинете стало тихо. Слишком тихо после кухни, после зала, после этой деловитой резни, которая выглядела не вспышкой бешенства, а продолжением рабочего процесса.

— Двенадцатый, — сказал в пустоту.

Он провёл ладонью по лицу. Взял ручку, повертел. Три раза стукнул ею по столу.

Тук. Тук. Тук.

Включил последний фрагмент.

12:54. Камера основного зала.

Арно стоял посреди зала и моргал. Раз. Другой. Как человек, который очнулся в чужом сне и не сразу понял, что именно видит.

Посмотрел на нож.

На Делатра, сползающего со стула.

На женщину с широко раскрытыми глазами, закрывшую рот ладонями.

— Что... — выдохнул он.

В его голосе не было ужаса. И раскаяния не было. Только недоумение.

Дрон завис у лица Арно и выпустил облако нейроза. Шеф судорожно вдохнул и рухнул.

Мартин выключил запись и несколько секунд сидел, глядя в пустое голополе.

Коммуникатор пискнул.

— Комиссар, судья Мортике требует соединить. Делатр был её... В общем, она не в себе.

— Подождёт. Я не закончил.

Мартин сбросил вызов. Запустил запись допроса.

Экран вспыхнул снова.

Арно был привязан к койке. Не агрессивный, не сломанный — просто обмякший. Лицо серое, под глазами тени. Зрачки расширены. На запястьях ремни. На висках датчики.

На краю кадра кто-то листал протокол.

Следователь — невидимый, ровный голос без нажима:

— Назовите себя.

— Арно Дегрейв.

— Вы понимаете, где находитесь?

— Да.

— Что вы помните о случившемся в ресторане?

Арно молчал долго. Не упрямо — как будто правда пытался дотянуться до воспоминания, которое опустилось слишком глубоко.

Потом сказал:

— Звук.

— Какой звук?

— Чистый. Очень чистый. Сталь о сталь.

Он закрыл глаза.

— Я его услышал — и всё остальное как будто отодвинулось. Шум. Голоса. Мысли. Всё.

Следователь молчал. Пауза затянулась.

Арно открыл глаза, посмотрел в потолок.

— А потом — тепло.

— Уточните.

Арно медленно повернул голову к камере. Смотрел будто не в неё, а сквозь, в место, где никого нет.

— На руках. На лице. Липкое. Солёное. Настоящее.

Пауза.

Следователь сказал — так же ровно:

— Вы понимаете, что речь идёт о крови других людей?

— Да.

Молчание. Следователь ждал.

И Арно сам добрал:

— Вы хотите спросить, что я при этом чувствовал?

Следователь не подтвердил, не опроверг.

Арно ответил быстрее, чем в первый раз. Как будто этот вопрос он уже успел задать себе сам.

— Тишину.

— В каком смысле?

— В голове. — Арно моргнул. — Полную. Абсолютную тишину. Впервые за долгие годы.

Следователь не спросил «принесло ли это облегчение». Он вообще ничего не спрашивал. Он ждал.

Арно сглотнул.

— Я... чувствовал.

Пауза. Длинная.

Потом Арно сам уточнил:

— Вы думаете, это странно?

Следователь промолчал. Это было профессиональное: вопрос не требовать, а провоцировать.

Арно посмотрел в камеру. И теперь в его взгляде была простая честность человека, у которого отняли привычку врать себе.

— Нет, — тихо сказал он. — Не странно. Наоборот.

Он ещё посмотрел. Потом договорил, будто сам для себя:

— Так, наверное, и должно быть. Просто я забыл.

— Что именно вы забыли, месье Дегрейв?

Арно ответил не сразу.

— Как это. Быть живым.

Запись оборвалась на служебной пометке.

— Вот дерьмо, — сказал Мартин.

Он выключил голополе и сидел в тишине кабинета. Разглядывал свои руки. Они были чистыми. Но почему-то казалось, что должны быть в крови.

Открыл нижний ящик стола и достал старую деревянную картотеку. Пальцы нащупали шероховатый край карточек.

Система отдала бы досье за секунду: профили, коррекции, маршруты, биометрию. Всё в строках. Всё готовое. Но картон заставлял думать. Машина выдавала данные. Бумага требовала веса.

Он нашёл нужное.

Дело #10511-021242. «ОДУВАНЧИК».

Водитель автобуса Люк Ван Дейк. Индекс 6.1.

Отключил автопилот. Выскочил на ходу. Автобус с пассажирами пробил ограждение канала и упал в воду. Погибло 11 человек. В это время водитель на газоне сорвал одуванчик и разглядывал его.

На допросе сказал:

«Автобус ведёт себя лучше меня. Этот цветок был реальностью».

Следующая карточка.

Дело #11332-220143. «ЗВУК-ТОПОР».

Дирижёр.

Разрубил рояль топором.

На допросе сказал:

«Хотел услышать настоящий звук. Не цифровой».

Мартин положил рядом чистую карточку и вывел крупными буквами:

Инцидент #12427-140343

Код: СТАЛЬ-ТЕПЛО-ТИШИНА

Ниже дописал: *«впервые почувствовал себя живым».*

Ручка замерла.

Цветок.

Звук.

Кровь.

Не мотив. Не метод. Не профиль.

Ощущение.

Как будто все они не сходили с ума, а ломались к чему-то одному и тому же с разных сторон. Как будто им не хватало не смысла, не свободы, даже не счастья — чего-то проще и страшнее.

Интерком пискнул.

— Комиссар, срочный входящий. Комиссар-генерал Де Витт. И ещё Институт нейроэтики на линии.

— Де Витта давайте. Институт подождёт.

Связь открылась сразу.

— Видели? — спросил Де Витт.

— Видел.

Короткая пауза. Не растерянность — для таких должностей растерянность запрещена. Но раздражение человека, которого реальность заставляла признать: протокол дал трещину.

— И?

— Это не ресторан.

— Я в курсе, что не ресторан. Прокуратура уже давит. Медиа тоже. С этого момента вы прикрепляетесь к судье Мортике. Формально — расследуете инцидент в «Als Thuis». По факту — ищите закономерность. Всё, что найдёте, идёт напрямую мне. Минуя общие каналы.

— Это прямое нарушение протокола. Мой индекс просядет.

— Забудьте про индекс, Мартин.

Пауза. Де Витт добавил тише:

— Если в город вернётся паника, нам всем уже не хватит цифр, чтобы за ними спрятаться. Ясно?

Мартин снова посмотрел на карточку:

СТАЛЬ-ТЕПЛО-ТИШИНА

И ниже:

«впервые почувствовал себя живым»

— Ясно.

— Через двадцать минут экстренное совещание. МВД, прокуратура, Институт нейроэтики. Ваше присутствие обязательно.

Связь оборвалась.

Мартин сидел, не убирая руку с картотеки.

Потом вытащил чистый лист бумаги. Не бланк. Обычный, из тех, что покупают люди, не верящие, что важное надо сразу скармливать машине.

Написал крупно:

ЧЕГО ИМ НЕ ХВАТАЛО?

Посмотрел.

Медленно зачеркнул.

И написал сверху:

ЧЕГО НЕ ХВАТАЕТ НАМ?

Глава 2. Короткое замыкание

17:55. Кабинет комиссар-генерала Де Витта

*Протокол экстренного оперативного совещания
№7/14.03.2043*

Тема: классификация и ответ на серию инцидентов спонтанной агрессии

Внутренний код: феномен « A ls T huis »

Участники: комиссар-генерал Де Витт; комиссар Мартин Ван ден Берг; директор Департамента внутренней политики и безопасности МВД г-н Рено; доктор Франк (Институт нейроэтики)

Кабинет Де Витта всегда был тёмным, к вечеру — тем более. Единственным источником света были голограммы: ленты событий, точки на карте Брюсселя, фрагменты биографии, перекрёстные связи, временные шкалы. Синеватый свет резал лица на плоскости. Люди в нём выглядели не людьми, а убогими пластиковыми моделями самих себя.

Мартин сидел сбоку от стола и смотрел на городскую карту.

На ней горели двенадцать точек.

Он не любил, когда человеческое сводилось к точке. Но так было удобнее всем, кто принимал решения. Точка не кричит. Точка не истекает кровью. Точка не говорит на допросе, что впервые за долгие годы почувствовала себя жи-

вой.

Де Витт стоял, наклонившись над столом и упираясь в него обеими руками. Он всегда так делал, когда хотел показать, что разговор уже вышел из рамок обычной служебной рутины.

— Одиннадцать месяцев, — сказал он. — Двенадцать случаев в Брюсселе. По стране — сто семнадцать подтверждённых. MINERVA фиксирует всё постфактум. Ни маркеров, ни прогноза, ни нормальной связки между эпизодами. Пока публика видит отдельные трагедии. — Он перевёл взгляд с одной голограммы на другую. — Но если следующий случится в прямом эфире... или если следующая жертва будет выше Делатра по статусу...

Он не договорил.

И не надо было. Смысл был ясен и без слов: тогда это перестанет быть полицейской проблемой и станет проблемой государственной, а значит — политической, а значит — грязной.

Рено, директор департамента внутренней политики и безопасности, раздражённо взмахнул рукой.

— Это уже не серия инцидентов. Это системный сбой. MINERVA создавалась не для того, чтобы красиво подсвечивать нам трупы на карте. Она должна была гасить конфликты до того, как они перейдут в действие. Вместо этого мы считаем последствия. Мне нужны внятные данные для министра. Доктор Франк, почему система не справляется?

Доктор Франк не обиделся. В нём вообще было что-то раздражающе спокойное — не бесстрашие, а привычка пережёвывать панику наедине с собой, не показывая её людям.

Он поднял ладонь, и одна из голограмм сменилась ней-ропрофилем: слои, срезы, цветовые вспышки, провалы по шкалам, которые для Мартина всегда выглядели как попытка сделать тревогу научно приемлемой.

— MINERVA хорошо работает там, где агрессия успевает оформиться. Где есть фоновая враждебность, предконфликтные паттерны, эскалация в поведении. Всё это оставляет след в данных. Здесь... — доктор Франк на секунду замялся. — Здесь другое.

Рено прищурился.

— Что именно другое?

— Похоже на внезапное отключение внутреннего предохранителя.

— Мне нужен ответ, а не бытовая метафора.

— Мне тоже, — так же спокойно сказал доктор Франк. —

Но пока у нас только модели.

Мартин молчал. Пальцы сами сжали край папки, лежавшей на столе. Бумага под ногтями была реальнее диаграмм. Бумага хотя бы не притворялась, что всё понимает.

Доктор Франк коснулся панели, и над столом возникли три профиля сразу. Один за другим: водитель автобуса, дирижёр, шеф-повар. У каждого — стабильные показатели, высокая адаптация, допустимые колебания, приличный или хо-

роший индекс. Люди, у которых система не видела проблем до той секунды, когда проблема уже стояла над телом с ножом или топором.

— Мы видим повторяющийся контур. Высокая функциональность. Управляемость. Социальная встраиваемость. Биометрическая стабильность. А потом — резкое действие, которое не продолжает прежний профиль, а обрывает его.

— То есть ломаются, — сказал Рено.

— Я бы не использовал это слово.

— Почему? Оно слишком неприятно звучит для отчёта?

Доктор Франк посмотрел на него устало.

— Потому что слово «ломаются» подразумевает дефект.

А здесь, возможно, не дефект. Возможно, перегрузка.

Де Витт коротко повернул голову:

— Объясните нормально.

Доктор Франк выдержал паузу. Не театральную. Такую, какая бывает у человека, который знает, что понятнее будет только хуже.

— В условиях среды, где почти всё сглажено и адаптировано, человек может сохранять внешнюю стабильность очень долго. Намного дольше, чем в старых обществах. Но это не значит, что напряжение отсутствует. Иногда оно просто не получает формы. Не превращается ни в конфликт, ни в жалобу, ни в симптом, который удобно кодировать. Оно остаётся внутри. — Он коснулся следующего слоя схемы. — А потом разряжается сразу в действие.

Мартин поднял глаза.

— Почему именно так?

Доктор Франк посмотрел на него.

— Что именно?

— Почему автобус в канал. Топор по роялю. Нож на кухне. — Мартин говорил просто, как думал. — Почему не крик? Не драка. Не истерика. Почему сразу что-то такое, после чего назад уже не отмотаешь?

На секунду в комнате стало тише.

Даже Рено не перебил.

Доктор Франк сложил пальцы перед собой.

— Потому что в этих актах слишком много физики, комиссар. Слишком много прямого контакта с миром. Звук. Удар. Сопротивление материала. Боль. Кровь. Вес. — Он перевёл взгляд на зависшую над столом карту. — То, что невозможно до конца оцифровать и вычистить.

— Опять заумно. Говорите понятнее, — потребовал Де Витт.

Доктор Франк кивнул.

— Понятнее так: у части людей пропадает подтверждение собственной реальности. Не психоз. Не классическая депрессия. Не бред. Просто в какой-то момент мир начинает восприниматься как декорация. Гладкая, отзывчивая, без трения. А декорацию хочется проверить. — Он сделал короткую паузу. — Иногда — сломать.

Рено откинулся на спинку кресла.

В синем свете его лицо стало жёстким, почти плоским.

— И вы предлагаете мне с этим идти к министру? Сказать, что государственная система стабилизации не видит людей, которые внезапно режут друг друга, потому что им кажется, будто мир ненастоящий?

— Если хотите упрощенно — да.

— Я не хочу упрощенно. Я хочу понять, где отказал инструмент.

— Возможно, — тихо сказал доктор Франк, — инструмент не отказал. Возможно, он работает именно так, как был спроектирован.

Рено нахмурился.

— Это как понимать?

Доктор Франк обвёл рукой голограммы.

— MINERVA создавалась для снижения конфликтности. И она её снизила. Снизил шум, трение, социальные пики, бытовое насилие, открытые формы дестабилизации. Но если у системы есть только одна цель — сглаживать, — рано или поздно она начинает сглаживать не только опасное. Она сглаживает вообще всё. И человек перестаёт чувствовать, где мир кончается и где начинается он сам.

Мартин вспомнил Арно на экране. Звук. Потом тепло. Потом тишина. И дальше — самое худшее:

«Так, наверное, и должно быть. Просто я забыл».

Де Витт выпрямился.

— Мы не будем обсуждать философию. Мне нужно, что-

бы завтра город проснулся без новой бойни.

— А если это уже не полицейская задача? — спросил доктор Франк.

— Тогда тем более моя.

Рено раздражённо провёл пальцем по столу, увеличивая карту.

— Допустим, вы правы, доктор. Что дальше? Что мы реально можем сделать? Массовая психодиагностика? Коррекция порогов? Временные ограничения? Это уже конституционная территория. И очень скользкая.

— Права человека, — добавил доктор, почти с вызовом.

Де Витт повернулся к нему всем корпусом.

— Права человека заканчиваются там, где человеку перерезают горло в ресторане. Меня сейчас интересует завтрашнее утро.

— А меня интересует, — сухо сказал Рено, — что произойдёт послезавтра, когда кто-то спросит, на каком основании вы полезли людям в голову.

— На основании того, что у нас уже мёртвые люди.

— У нас всегда мёртвые люди. Вопрос в том, что мы готовы сделать с живыми.

Это была, пожалуй, первая честная фраза за всё совещание.

Мартин перевёл взгляд с одного на другого.

Рено говорил как чиновник, но не только. Он действительно боялся. Не за людей — это было бы слишком просто. За

границу, после которой государство уже не сможет притворяться разумным. За момент, когда страх начнёт диктовать решения быстрее закона.

Доктор Франк потёр переносицу.

— Если говорить прагматично, обычная терапия слишком медленная. Для тех, у кого процесс уже пошёл, она почти бесполезна. Нам придётся смотреть глубже: биохимия, пороги возбуждения, стабилизация нейродинамики, возможно — временное фармакологическое сопровождение групп риска.

— То есть успокоить всех на всякий случай? — спросил Мартин.

Доктор Франк посмотрел на него без раздражения.

— Нет. Но, возможно, признать, что у некоторых людей больше нет внутреннего ресурса оставаться в норме теми способами, которыми они оставались раньше.

— Красиво сказано, — буркнул Мартин. — А по-простому?

Доктор Франк опустил руки.

— По-простому: они слишком долго держались.

Эта фраза повисла в комнате.

Мартин невольно подумал о названии, которое уже крутилось у него в голове: не болезнь, не срыв, не помешательство. Короткое замыкание. Когда всё вроде бы собрано правильно, изоляция цела, система замкнута, ток идёт как положено — а потом где-то внутри вспыхивает дуга, и за долю

секунды нормальная схема становится огнём.

— Несколько лет назад, — сказал доктор Франк, и голос его стал ещё тише, — на конференции в Базеле я спорил с одним исследователем из частного сектора. Он занимался тем, что называл «амортизацией катастрофических всплесков». Смысл был в том, что среда тотальной адаптации сама может стать стрессором, если в ней не оставлено регулируемых форм разрядки. Клапанов. Контролируемого выхода.

Рено усмехнулся без веселья.

— Каких ещё клапанов? Государственно одобренного безумия по выходным?

— Не обязательно. Но самой постановке вопроса я тогда не удивился. Меня удивило другое: кто именно за это платил.

Де Витт поднял глаза.

— Кто?

Доктор Франк медлил ровно секунду.

— Частный консорциум. Несколько фондов. Точные названия я смогу восстановить. Тогда мне это показалось очередной дорогой игрушкой для тех, у кого слишком много денег и слишком мало границ. Сейчас — уже нет.

Де Витт не стал развивать тему. Значит, зацепился.

— Хорошо, — сказал он. — Восстановите. Всё, что найдёте, мне на стол.

Потом повернулся к Мартину.

— Ван ден Берг.

— Да, сэр.

— Мне нужна сводка по двенадцати брюссельским случаям. Полная. Не только официальная часть. Контекст, быт, работа, коррекции, последние контакты, жалобы, записи с допросов, всё, что почувствуете важным. Ищите не сходство по форме. Ищите, где у них одно и то же место болело.

Мартин кивнул.

— Понял.

Рено перевёл взгляд на него.

— И ещё одно, комиссар. До отдельного распоряжения никакой самостоятельности с прессой. Ни комментариев, ни утечек, ни намёков. Если это выйдет наружу в таком виде, город начнёт искать врага там, где его проще всего придумать.

— Я не болтаю.

— Я знаю. Поэтому и говорю вам.

Совещание закончилось без формального объявления. Просто в какой-то момент стало ясно, что дальше будут повторяться те же слова, только громче. Голограммы погасли одна за другой. Лица вернули себе человеческий цвет, но лучше от этого не стало.

Мартин вышел в коридор.

Здание уже перешло в вечерний режим. Свет приглушили, шаги звучали мягче, чем днём. Люди вежливо уступали ему дорогу, потому что знали: если комиссар особых расследований идёт после совещания у Де Витта с таким лицом,

лучше не спрашивать ни о чём и не попадаться на глаза.

Никто не смотрел прямо.

В последнее время это стало обычным. Люди всё чаще вели себя так, будто сам взгляд может втянуть их в чужую проблему.

Лифт спустил его на подземную стоянку. Где-то далеко, у въезда на стоянку, заурчал двигатель. Потом стих. Мартин нашёл свою машину, провёл запястьем над сенсором, открыл дверь и сел.

Салон встретил его стерильной тишиной.

Он замер, прислушавшись к себе.

Тишина была именно та. Не вообще тишина — мало ли в мире тишины. А та самая, о которой говорил Арно Дегрейв. Не отсутствие звука, а что-то другое. Как будто пространство внутри машины заранее сняло с него всё лишнее: уличный гул, чужие шаги, вентиляцию, остаточный шум города. Словно его поместили в аккуратную коробку, где ничто не трётся ни о что.

Он положил обе руки на руль, хотя машина и без него знала, как ехать. Пальцы чувствовали гладкий материал, тёплый от встроенного подогрева. Всё было удобно. Слишком удобно. Правильной формы, правильной температуры, правильной мягкости. Ничего лишнего. Ничего, за что можно зацепиться.

«Они слишком долго держались».

Он сидел, не включая маршрут.

Перед глазами вдруг встала кухня: сталь о сталь, потом тепло, потом тишина.

Мартин резко убрал руки с руля.

Ему не понравилось, как быстро эта последовательность сложилась в голове, будто давно там ждала.

Он захлопнул дверь. Машина вежливо подсветила панель.

ДОБРЫЙ ВЕЧЕР, КОМИССАР ВАН ДЕН БЕРГ.

ПОСТРОИТЬ МАРШРУТ ДО ДОМА?

Мартин посмотрел на надпись и не ответил сразу.

Потом сказал:

— Нет. Маршрут к архиву.

Панель мигнула.

МАРШРУТ ПОСТРОЕН

Машина тронулась мягко, почти без толчка.

Мартин откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза всего на секунду.

За закрытыми веками город казался ещё более ненастоящим, чем с открытыми.

Глава 3. Журнал наблюдений

10 апреля. 05:30. Заповедник R-447. Сарай-мастерская.

Анна сидела на верстаке босая, в моей старой футболке, и грела ладони о кружку. Пар поднимался к лампе и таял в жёлтом свете. У виска темнела влажная прядь, будто она только что вошла с улицы, из сырого предутра.

— Ты опять не спал, — сказала она, кивнув на стружку под ногами. — И опять называешь это работой.

Я усмехнулся и поставил рубанок на место с нарочитой аккуратностью.

Анна отпила и посмотрела на меня так, как смотрела когда-то: не оценивая, не сверяя, просто узнавая.

— Ты сам себе начальник, Томас. И сам себе наказание. Я подошёл ближе.

Она протянула руку и провела пальцами по моему запястью. Кожа была тёплой. Настоящей. От этого простого прикосновения у меня внутри болезненно сдвинулось что-то старое, давно не тронутое.

— Ты пахнешь деревом, — сказала она. — И дождём.

— А ты пахнешь домом.

Анна улыбнулась — почти со смехом.

— Перестань так смотреть. Как будто я сейчас исчезну.

Я наклонился к ней.

— Не исчезай.

Она притянула меня за ворот. Наши лбы соприкоснулись. Её дыхание сбилось.

— Я здесь, — шепнула она. — Слышишь? Здесь.

И я поверил.

Сразу. Без остатка.

— Иди сюда, — сказала она.

Её пальцы скользнули по моей ноге. Тело откликнулось мгновенно, будто ниже шеи никакой осторожности в нём никогда не было. Я помнил её слишком хорошо: спину, дыхание, податливость бедра, короткую паузу перед тем, как она сама тянется навстречу. Память не ошибалась ни в чём. Ни на полтона.

Когда меня накрыло, это было почти невыносимо — как если бы удовольствие и боль на миг стали одной и той же силой, сплавившись в ослепительную вспышку.

И в этот миг мир оборвался.

Без перехода. Без затемнения.

Вместо лица Анны вспыхнуло стандартное меню. Холодный синий шрифт на чёрном фоне.

СЕАНС ЗАВЕРШЁН

Я распахнул глаза в темноте шлема. Пустота стала осязаемой.

Ни Анны.

Ни кружки с паром.

Ни этого тихого «здесь».

Только сырой сарай, запах клея и старого дерева, да тактильный костюм «Эос», липнувший к коже.

— Чёрт, — выдохнул я.

Раздражённо сорвал шлем. Потянул костюм за плечи, стянул; материал отошёл с влажным шлепком. Швырнул «Эос» на стул, не попал. Костюм сполз на пол, скомкавшись, как сброшенная кожа.

Умывальник был в углу, под окном. Я пустил воду и стал тереть ладони — долго, до красноты, потом ещё, уже без смысла. Поднял глаза.

В зеркале — я. Один. С красными следами от креплений на висках.

Тридцать минут.

Тридцать минут я занимался сексом с памятью, упакованной в силикон, обратную связь и алгоритмы. Со своим частным, законным безумием.

Я упёрся руками в край раковины и закрыл глаза. Перед внутренним взором всплыл когда-то прочитанный отчёт MINERVA. Их выкладывали как доказательство прозрачности: всё измерено, всё учтено, всё видно. Раньше я читал его как любопытный статистический казус. Согласно отчёту, в Брюсселе больше половины контактов, маркированных как близость, сейчас происходят в виртуальной среде. И почти в половине из них по ту сторону нет реального человека. Только аватар, собранный под запрос, под темп реакции, под допустимую степень тепла.

Первый сенсорный опыт, помеченный как «социальная интимность», многие подростки получали по расписанию — в школьном модуле «Биосоциальная адаптация». Лукас однажды упомянул об этом вскользь, смущённо. Каталог предлагал выбрать «социогендерный модус»: от привычных моделей до синтезированных профилей вроде «доминантно-заботливого» или «нейтрально-аналитического».

Когда-то мне казалось, что это новая грамотность: людей учат не бояться близости, дают безопасный вход в то, с чем прежние поколения оставались один на один.

Теперь я видел другое: система не учила любить. Она подбирала протез, для каждого — свой.

Удобный.

Чистый.

Безопасный.

На этих трёх словах держалась страна.

За десять лет рождаемость упала на треть. В посттрудовую эпоху это называли не бедствием, а формой рациональности. Снижением нагрузки.

Я вытер руки и отвернулся от зеркала.

А кого видит она?

Мысль возвращалась с однообразной точностью.

Я знал: несколько лет назад социальные консультанты предложили Анне «Эос» — со скидкой, в рассрочку, в рамках программы постразводной адаптации. Анна согласилась.

Я представил её в белой спальне. Раз в неделю, в один

и тот же час. Шлем, мягкий разогрев, заранее настроенная среда. Кто возникает перед ней?

Безупречный незнакомец из каталога?

Коллега по бюро, откалиброванный до степени доверия?

Или я сам — цифровая реконструкция, собранная из старых записей, фотографий, голосовых обрывков, бытовых жестов, которые машина имитирует точнее, чем человек способен вспомнить?

Эта мысль была и мучительной, и почти пьянящей. Как будто даже в виде подделки я всё ещё мог быть к ней допущен.

Коммуникатор на верстаке мигнул.

Сообщение от Лукаса:

Пап, я отправил маме запись, как ты просил. Это ок? И ещё: сегодня репетиция ранние. Заберёшь меня?

Я застыл. Пальцы всё ещё были влажными — экран откликался с трудом.

Набрал:

Да. Заберу. Спасибо.

Помедлил. Добавил:

Не говори ей, что это от меня.

Ответ пришёл сразу:

Ок.

Убрал коммуникатор в карман. На ощупь взял с полки старый бумажный блокнот. Толстый, с потёртой обложкой, на которой моим почерком было выведено:

Наблюдения за тектоникой А.М. Том четвёртый

Раскрыл на середине. Там не было утешительных записей. Только даты, звуки, реакции, едва заметные смещения. Четыре года жизни, сведённые к дрожанию поверхности.

Включил планшет.

В темноте вспыхнула трёхмерная модель: временная шкала, биометрия, цифровые контакты, маршруты, паузы, отклонения. По ровному полю расползались красные точки — редкие, воспалённые. Точки резонанса.

Ткнул в последнюю.

7 апреля. Запись хора.

Вариабельность сердечного ритма: +12% в течение часа.

Комментарий системы: лёгкая вегетативная лабильность, вероятно в связи с изменением атмосферного давления.

— Атмосферное давление, — повторил я.

Усмешка вышла короткой и пустой.

Ниже шли мои собственные метки. «Камертоны». Пронумерованные, как в лабораторном журнале.

18: фальшивая нота Элиаса — реакция на социальную дисгармонию.

21: горловой звук фрау Хубер — древний, дословесный страх.

26: резкий кашель Мауро — удар по стартил-рефлексу.

Не взлом. Не насилие. Нужно было не пробивать систему, а выманивать живое из-под слоя правильности.

У меня оставался один легальный канал — спам.

Через цепочку подставных аккаунтов и старых ретрансляторов, которые MINERVA помечала как низкоприоритетный маркетинг, я отправлял Анне цифровые артефакты. Система помещала их в карантин на семьдесят два часа. Иногда она заглядывала в корзину перед очисткой. Иногда нет.

Тело всё равно отвечало.

В шестидесяти пяти процентах случаев — микроаномалиями: задержкой отклика, падением скорости ввода, лишней секундой над маршрутом. Ерунда для официального отчёта.

След — для того, кто знает, где смотреть.

Я открыл папку с файлами.

За минуту собрал новый микс: чуть дрожания, чуть сбоя, чуть сырого шума поверх нейтрального фона. Не сообщение. Не музыка. Что-то между мусором и занозой.

Назвал нейтрально:

marketing_mix

Чтобы не задеть фильтры.

Отправка: защищённый ящик Анны.

Папка: нежелательная почта.

Карантин: 72 часа.

Нажал.

Статус сменился на:

В ОЧЕРЕДИ

Я откинулся на спинку стула.

Тишина сарая давила. Неровная, деревянная, сырая. И всё же внутри медленно поднималась мысль, от которой хотелось встать и уйти, но идти было некуда.

Я снова представил Анну в шлеме.

Еженедельный сеанс.

Каталог.

Мягкая, стерильная близость, не требующая ничего взамен.

И представил, как вхожу туда сам.

Не как пользователь.

Как инженер.

Подменить аватар. Вшить голос. Поймать окно синхронизации — тот уязвимый промежуток, когда мозг уже открыт стимулу и ещё не выстроил защиту. Войти не в её почту, не в её день, а туда, где у человека почти не остаётся кожи.

Я слишком хорошо знал, что это возможно.

Открыл старые служебные заметки по «Эосу».

На экране всплыли схемы: точки входа, логика задержек, синхронизационные петли, окно максимальной восприимчивости. Для постороннего — просто инженерия. Для меня — анатомия вторжения.

Я уже видел последовательность.

Где встроиться.

Где обойти защиту.

Как сделать так, чтобы Анна услышала именно меня.

И именно поэтому остановился.

Не на мысли.

На знании.

— Нет, — сказал я вслух.

Слово прозвучало не как решение. Как просьба.

Я накрыл планшет ладонью, будто мог придавить не экран, а то, что поднималось изнутри. Уже не любовь. И даже не тоска. Что-то темнее: желание добраться до другого человека любой ценой, если по-честному больше нельзя.

Рука сама потянулась к верстаку.

Я взял деревянную птицу-свистулку. Почти готовую, ещё не ошкуренную, с заусенцем на хвосте.

Поднёс к губам и дунул.

Звук вышел живой.

Ни мелодии.

Ни пользы.

Просто дерево и воздух.

Коммуникатор мигнул:

*ОБНАРУЖЕН НЕКЛАССИФИЦИРОВАННЫЙ ШУМ
ВКЛЮЧИТЬ ФИЛЬТР?*

Я не включил.

Дунул ещё раз, сильнее.

Звук дрогнул, сорвался, на секунду нашёл ноту — и тут же потерял её. В этом и была его правда: он не подчинялся замыслу до конца.

Я сидел и слушал, как затихает дерево.

И позволил себе простую мысль.

Если Анна где-то ещё есть — не в расписании, не в шаблоне, не в безошибочной обратной связи, — то искать её нужно не в чистом сигнале.

А в помехе.

В сбое.

В лишней дрожи.

В том, что нельзя довести до стандарта.

Свистулька смолкла. Тишина осталась. Но теперь она была не цифровой.

В ней хотя бы можно было ждать ответа.

Глава 4. Смерть профессора

12 апреля. 20:20

Коммуникатор коротко пискнул.

Сообщение от Де Витта:

«Срочно в участок. Новый инцидент. Здание Европарламента. Убит Фуко-Леви.»

Мартин замер. Пальцы вцепились в пластик коммуникатора.

Фуко-Леви. Имя из учебников. Один из идейных отцов MINERVA. Любимец парламентских комиссий. Живой символ порядка, который давно перестал нуждаться в оправданиях.

— Началось, — едва слышно выдохнул он.

— Возвращаемся в участок, — угрюмо сказал автопилоту.

Электромобиль плавно перестроился и развернулся, будто ничего не случилось.

21:00. Оперативный зал Отдела особых расследований

На главном экране застыл кадр: седой старик и улыбающийся молодой человек с геологическим молотком в руке.

Подпись внизу:

ИНЦИДЕНТ #12428-120443

СМЕРТЬ ПРОФЕССОРА М. ФУКО-ЛЕВИ

ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ ЗАДЕРЖАН

Де Витт коротко кивнул оператору.

— С начала.

Мартин сел в последнем ряду, где никого не было. Экран ожил.

15:30. Конференц-зал Европарламента

Фуко-Леви стоял за трибуной, держась за её края обеими руками. Голос у него был тихий, почти камерный, и от усиления казался ещё ближе — как будто он обращался не к залу, а к каждому по отдельности.

— MINERVA достигла зрелости. Скоро мы сможем отказаться от ручного управления. Передать бразды объективному разуму, который, наконец, обеспечит нам желанную справедливость.

Аплодисменты. Приветственные выкрики. Некоторые депутаты встали.

Фуко-Леви улыбнулся усталой, благодарной улыбкой человека, привыкшего к триумфам. Сошёл со сцены в ореоле собственной славы.

Запись переключилась на служебную камеру за кулисами. Звук исчез. Мир погрузился в ватную тишину.

К профессору протискивался молодой человек. В правом углу горел системный маркер:

9.8 — ПРЕВОСХОДСТВО

Ниже всплыла автоматическая справка, будто система заранее взяла его под защиту.

ЦУКЕРМАН, ГАНС, 22

*бывший аспирант проф. Фуко-Леви
старший аналитик, Институт нейроэтики
отмечен профессором как «наиболее последовательный
интерпретатор ядра системы»*

Фуко-Леви наклонился к нему, беззвучно смеясь, потрепал по плечу — старый учительский жест, доверительный, чуть снисходительный.

Цукерман кивнул и мягко отступил в сторону, приглашая профессора к нише у белых орхидей.

Открыл портфель.

Достал весы — хромированную платформу с цифровым индикатором. Поставил в углу. Проверил платформу на устойчивость.

Фуко-Леви следил за ним с живым любопытством.

Цукерман сделал приглашающий жест — на платформу.

Профессор замер на секунду, потом расплылся в улыбке. Хлопнул ученика по плечу, будто прощая ему очередную странность, и шагнул на весы. Встал ровно, спиной к стене.

Цукерман поправил его положение, сдвинул чуть к центру. Профессор послушно позволил себя подвинуть, всё ещё улыбаясь. Смотрел с ожиданием — как смотрят на талантливого ученика, который сейчас покажет что-то чрезмерное, но любопытное.

Цукерман кивнул. Зафиксировал начальные данные.

И достал молоток.

Брови профессора поднялись. Вопрос успел возникнуть,

страх — нет.

Первый удар пришёлся в висок. Голова дёрнулась.

Второй — в темя, резко, сверху вниз.

Третий.

Тело сползло по стене, оставляя на обоях тёмный, влажный след.

Улыбка исчезла с лица Цукермана только теперь. На её месте появилась сосредоточенность человека, который, наконец, добрался до чистой процедуры.

Он наклонился, подтянул тело обратно на платформу. Подогнул ноги. Проверил, не свешивается ли край. Выпрямился.

Посмотрел на индикатор весов.

Стоял неподвижно секунду. Губы едва заметно шевельнулись — одному Богу известно, что именно он произнёс. Кивнул сам себе.

Поднял голову и посмотрел прямо в камеру.

Взгляд ясный. Спокойный. Ничего личного.

Он положил молоток рядом с телом. Достал платок. Тщательно вытер руки, аккуратно сложил ткань и убрал в карман. Потом пошёл навстречу бегущей охране. Даже поднял ладони, но это выглядело не как сдача. Скорее, как уведомление: угрозы больше нет, работа завершена.

В оперативном зале никто не шевельнулся.

Де Витт хрипло сказал:

— Допрос. Второй фрагмент.

Экран сменился.

Цукерман сидел в светлой комнате для бесед. Белая рубашка. Ровная спина. Его не фиксировали, и именно это казалось ошибкой, хотя он не делал ничего лишнего. Он был похож на студента перед комиссией. Только комиссия боялась сильнее.

Голос следователя звучал из-за кадра:

— Зачем?

Цукерман ответил сразу, без паузы, как будто вопрос был предусмотрен заранее.

— Эксперимент.

— Какой именно эксперимент? Вы убили профессора Фуко-Леви.

— Я проверял, что тяжелее. Идея или её носитель.

В зале кто-то шумно выдохнул.

Следователь спросил:

— Это шутка?

Цукерман моргнул.

— Нет. Профессор был идеальным субъектом. Максимальный социальный вес. Максимальная семантическая нагрузка. Я провёл прямой материальный контакт.

— Молотком.

— Да, — кивнул Цукерман, словно уточнение помогало точности протокола. — Требовалась дезинтеграция носителя. Иначе эксперимент был бы загрязнён.

У следователя сорвался голос:

— Вы понимаете, что это убийство?

Цукерман чуть наклонил голову.

— Я понимаю, что это нарушило социальные протоколы. Но метод важнее дискомфорта. Система всегда учила нас этому.

— Результат?

На этот раз в его голосе прозвучало почти детское разочарование.

— Нулевой. Масса идеи не зафиксирована. Носитель оказался избыточен.

Де Витт выключил запись.

Несколько секунд в зале стояла тишина — не рабочая, а та, что наступает, когда у людей ещё нет слов, способных выразить увиденное.

Потом он сказал:

— MINERVA уже выдала вердикт. Цитирую: «Инцидент классифицирован как исследовательский акт. Мотивация: познание. Уровень угрозы социальной стабильности: низкий. Рекомендаций не требуется».

По залу прошёл глухой ропот. Даже не возмущение. Скорее потеря ориентации.

Рено, сидевший у стены, произнёс с усилием:

— Низкий... после убийства символа.

Де Витт продолжил, не повышая голоса:

— Париж, Берлин и Амстердам уже заморозили проекты, связанные с MINERVA. Премьер держится на седативах и

кофеине. Нас пока не трогают. Пока. Готовим отчёт.

Он перевёл взгляд на Мартина.

— Ван ден Берг. Это ваш случай?

Мартин ответил не сразу.

— Внешне не похож на то, что было в ресторане. Но если принять во внимание гипотезу доктора Франка... — Он загнулся на долю секунды. — Надо думать.

Де Витт кивнул.

Совещание закончилось. Люди расходились медленно, вполголоса обсуждая не столько убийство, сколько интонацию, с которой система объявила его безопасным.

Поздней ночью Мартин сидел у себя в кабинете.

Выдвинул нижний ящик. Достал деревянную картотеку.

Взял чистую карточку. Положил перед собой.

Несколько секунд просто смотрел на неё. Ручка провернулась между пальцами. Потом начал писать — аккуратно, почти каллиграфически:

Инцидент #12428-120443

Код: КНИГА-МЯСО

Субъект: Ганс Цукерман (9.8). Идеальный агент.

Объект: М. Фуко-Леви. Идеолог.

Он остановился. Потёр переносицу.

Дописал:

Гипотеза: система производит фанатиков.

Убивают не из ненависти.

Убивают по логике.

Ниже вывел:

Вопрос: есть ли пересечения с инцидентом СТАЛЬ-ТЕПЛО-ТИШИНА?

Ещё подумал. Добавил:

Две формы одного распада.

Арно — когда душа не выдерживает порядка.

Цукерман — когда порядок не выдерживает души.

Мартин перечитал написанное. Медленно, почти машинально, приписал внизу, мельче:

Предел упругости. У каждого материала — свой.

Он вложил карточку в картотеку — рядом со СТАЛЬ-ТЕПЛО-ТИШИНА.

Две дорожки внутри одной ловушки.

А где-то между ними система по-прежнему ровным, уверенным голосом утверждала, что угрозы нет.

Глава 5. Предложение из тени

26 апреля. 20:47. Брюссель. Личный кабинет премьер-министра

Фуко-Леви был мёртв.

Государственные каналы уже подобрали для этого правильные слова.

Трагедия.

Инцидент.

Чрезвычайное происшествие.

Слова «убийство» среди них не было.

Астрид Ван дер Мейрен стояла у окна, за которым тёмный город продолжал работать, как будто ничего не произошло. На стекле отражались её плечи, стол, лампа, раскрытый планшет. Ни одной лишней вещи. Кабинет человека, который давно живёт внутри решений, а не внутри интерьеров.

На панели вспыхнул сигнал допуска:

MINERVA: ГОСТЬ. КРОНОС-БИОФАРМ. ДОСТУП ПОДТВЕРЖДЁН.

Раздался голос секретаря из скрытого динамика:

— Они уже в приёмной, госпожа премьер-министр.

— Пусть проходят.

Дверь открылась почти бесшумно.

Первым вошёл доктор Вольфганг Вогт, председатель совета директоров «Кронос-Биофарм», — высокий, сухой,

безупречно собранный. Следом — доктор Ева Эрнст, директор по научным разработкам. В ней не было ни корпоративной мягкости Вогта, ни его сценической вежливости. Только точность. Лицо человека, привыкшего говорить о катастрофе тем же тоном, что и о протоколе.

Они сели без суеты, с той особой уверенностью, какая бывает у людей, пришедших не просить, а фиксировать неизбежное.

— Госпожа премьер-министр, — сказал Вогт, слегка склонив голову. — Мы пришли не с соболезнованиями. Они ничего не меняют. Мы пришли предложить варианты.

Эрнст положила на стол тонкий планшет.

— Их два, — ровно уточнила она. — Признать системный провал. Или понять природу явления и взять его под контроль.

— Ева любит называть вещи своими именами, — вставил Вогт с мягкостью в голосе. — Я бы сказал иначе: мы предлагаем эволюцию системы.

— Эволюция — для инвесторов, — фыркнула та, не глядя на него.

Астрид не ответила. Только чуть наклонила голову: продолжайте.

Вогт коснулся поверхности планшета, и над стеклом возникла проекция. Не эффектная голограмма, а имитация бумажного дела. На обложке крупно:

НИ ОДНОЙ КОПИИ

Он раскрыл файл.

Первая страница: график с сухим заголовком.

СИНДРОМ СЕМАНТИЧЕСКОГО ИСТОЩЕНИЯ. ДИНАМИКА ИНДЕКСА УГРОЗЫ.

— Это не публичные данные, — сказал Вогт. — MINERVA их не видит. Для неё это шум. Для нас — уже диагноз.

Следующая страница: схема мозга. Узлы, стрелки, зоны подавления.

— Слишком стабильная среда со временем начинает вести себя как токсичная. Когда неопределённость устранена, мозг теряет главный объект работы — прогноз. Ему больше нечего различать. Нечего ожидать. Нечего уточнять. И тогда он начинает усиливать внутренние сигналы, просто чтобы снова почувствовать разницу между важным и неважным.

Эрнст увеличила схему мозга прежде, чем он договорил последнюю фразу, словно знала точку, в которой он всегда передаёт ей слово.

— В норме система различает угрозу, стимул, удовольствие, тревогу, новизну, — сказала она. — При длительной перегрузке предсказуемостью различение начинает ломаться. Не сразу. Сначала стираются границы. Потом растёт потребность в резком импульсе. Потом любой пик переживается как подлинность.

— Проще говоря, — мягко подхватил Вогт, — идеально упорядоченный мир производит голод по событию. А когда

событие не приходит извне, человек создаёт его сам.

На следующей странице появилась фотография из «Als Thuis».

Белый фартук.

Кровь.

Лицо Арно Дегрейва, ещё не пришедшего в себя.

Астрид смотрела на фото. Кровь на проекции выглядела плоско, как типографская краска. Но именно это и пугало: реальность уже стала похожей на страницу отчёта.

Эрнст перелистнула дальше.

Теперь — Фуко-Леви. Разбитая голова. Весы под телом. И рядом молодой мужчина, смотрящий в камеру с детской ясностью, как будто совершил не преступление, а наконец нашёл выход.

— Это не политический террор, — сказала Эрнст. — Не мятеж, не подполье, не идеология. Это срыв на уровне базового различения. Среда перестаёт давать человеку интенсивность. Он возвращает её миру силой.

— И дальше таких эпизодов будет больше, — добавил Вогт. — С разными лицами. Разными объектами насилия. Но с одной причиной.

Вогт хотел перелистнуть дальше, но Эрнст легко коснулась его руки — коротко, почти машинально. Единственный жест, в котором на секунду проступила привычка работать вместе слишком давно.

— У явления есть прецеденты, — сказала она. — В Япо-

нии это называли кароси-агрессией. Десятилетия дисциплины, безупречное поведение, полная предсказуемость. А потом человек брал битую и превращал офис в руины. Тогда среда была корпоративной. Теперь среда тотальна.

— Ева любит клинические подробности, — сказал Вогт с тенью улыбки. — Я же скажу проще: система не сломалась. Она доросла до логического предела.

Он перелистнул дальше.

Старая газетная полоса. Двадцатилетней давности. Молодая Астрид, горящие глаза.

Заголовок:

«Замминистра Ван дер Мејрен: мы выбрали платформу, а не пустые обещания»

Вогт провёл пальцем по статье, будто по шраму.

— В 2020-м вы сделали ход, который спас страну. Вы не ждали, пока фармрынок «созреет». Вы поставили на стартап, из которого вырос «Кронос-Биофарм». И купили не вакцину. Вы купили платформу «МагниФикс». Тогда вы выиграли.

Он поднял на неё взгляд.

— И создали прецедент быстрого централизованного биотехнологического вмешательства. Без дебатов. Ради стабильности. А потом вы помогли внедрить наши флагманские продукты — нейрогаз и технологию нейро-когнитивной коррекции.

Вогт снова вывел на первый план кадр крови. Потом стёр

его одним движением. Возникла новая схема: два слоя.

— Мы не предлагаем вам хоронить MINERVA. Она идеальна в своём слое.

Верхний слой подсветился голубым: слова, связи, маршруты, индексы, паттерны поведения.

— Она видит поступки. Она видит речь. Она видит общественный договор.

Его палец опустился на нижний слой: вегетативные пики, нейрохимические маркеры, срывы корреляций.

— Но она слепа здесь. Нейроны. Синапсы. Биохимия. Синдром рождается не в соцсетях. Он рождается под черепом. Там, где решение уже произошло, но ещё не стало действием. MINERVA видит дым, когда мозг уже горит.

Эрнст продолжила, но теперь резче.

— Мы предлагаем не апгрейд. Это слишком мягко. Мы предлагаем новый слой. Нейробиологический сенсор. Чтобы система видела не только поступки, но и то, что под черепом.

— Ева хочет сказать, — смягчил Вогт, — что мы можем дать MINERVA видеть там, где она сейчас слепа.

Эрнст коснулась следующей страницы.

— Это единственный путь, госпожа премьер-министр. Сохранить инвестиции. Вернуть доверие. Удержать стабильность. Научить систему лечить болезнь, которую она породила.

Вогт выдержал паузу.

— Мы даём вам шанс выиграть снова. Как тогда, в два-

дцатом.

Астрид наконец заговорила:

— И чего вы хотите?

Вопрос прозвучал устало и сразу по существу.

Вогт не улыбнулся. Он ждал именно этой точки. Кивнул Эрнст, та продолжила, теперь чуть жёстче:

— Наши исследования показали, что незадолго до внешнего срыва появляется короткое предиктивное окно. Изменение микромимики, кожной проводимости, сердечного ритма, фрагментация внимания, вегетативные всплески. По отдельности — шум. В совокупности — профиль перехода.

— В среднем, — добавил Вогт, — пятнадцать минут до события. Иногда меньше. Иногда больше. Для полиции этого мало для реагирования. Для системы — достаточно. Но для этого нужен полный доступ к существующим каналам биомониторинга.

Эрнст вывела на стол новый заголовок:

ИНТЕГРАЦИЯ ПРОТОКОЛА «ГАРМОНИЯ-ПРЕДИКТОР» В ИНФРАСТРУКТУРУ MINERVA

ЭТАП 1: ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ПОЛНОГО ДОСТУПА К КАНАЛАМ БИО-МОНИТОРИНГА

Астрид перевела взгляд с заголовка на Вогта.

— Полного?

— Иначе модель будет слепой, — ответила Эрнст. — Разрозненные потоки создают иллюзию контроля. Нам нужна целостность.

— Не вам, — тихо сказала Астрид. — Государству.

— Разумеется, — так же тихо ответил Вогт. — Через нас. Между ними легла короткая пауза.

Вогт перелистнул проекцию дальше.

Теперь на столе появилась другая схема — уже не аналитическая, а архитектурная. Носимые устройства. Медицинские патчи. Домашние сенсоры. Транспортные узлы. Браслеты мониторинга. Камеры с биометрическим контуром. Всё это сходилось к MINERVA. А от неё — к новому тонкому слою с солнечным знаком.

СЛОЙ «ГАРМОНИЯ-ПРЕДИКТОР»

— Мы добавляем аналитический слой. «Гармония-Предиктор» считывает информацию с уже существующих датчиков, подключенных к MINERVA, делает корреляцию и даёт сигнал тревоги в случае обнаружения предкаскадного состояния, — пояснил Вогт. — Но, как вы понимаете, датчик пожара огонь не тушит.

— Поэтому сразу после интеграции протокола «Гармония-Предиктор» в инфраструктуру MINERVA должен быть реализован второй этап — «Гармония 2.0».

Эрнст достала из внутреннего кармана небольшой контейнер. Поставила на стол.

— В основе тот же принцип, который вы одобрили в двадцатом: биоразлагаемые нанокapsулы. Тогда они учили иммунитет. Сейчас они доставляют стабилизаторы. Безболезненно вводятся через трансдермальный аппликатор.

Эрнст заговорила как лектор, будто читала курс студентам, которые обязаны выучить и не задавать вопросов:

— Капсулы попадают в кровоток и собираются в микроскопические амортизаторы на поверхности определённых нейронов. Когда начинается выброс возбуждающих веществ, амортизатор гасит его. Физически. Как предохранитель.

— Гасят не только гнев, — спокойно добавил Вогт. — Экстаз. Влюблённость. Творческий подъём. Для системы это просто пики. Ей всё равно, что срезать. Примерно через два месяца наноботы распадаются и выводятся из организма. Это временная профилактика. Но при необходимости процедуру можно повторять бесконечно.

— Два месяца, — повторила Астрид. — Значит, шесть циклов в год. На всё население? Или только на группы риска?

— На начальном этапе — группы риска. Около пятнадцати процентов населения. Но вы же понимаете, госпожа премьер-министр, что рано или поздно охват придётся расширить.

— Это не разовая закупка вакцины, — добавила Эрнст. — Это инфраструктура. Вы платите не за наноботы. Вы платите за отсутствие трупов на улицах. За непрерывность социального процесса.

— То есть вы предлагаете анестезировать чувства. И выставлять счёт государству каждые два месяца, — констатировала Астрид.

— Мы предлагаем бюджетную статью «Национальная нейробезопасность», — поправил Вогт мягко. — В двадцатом году вы нашли триллионы на спасение жизней. Сейчас речь о спасении общества. Цена вопроса сопоставима. Только теперь это не разовый транш. Это операционные расходы. Как электричество или оборона.

— У нас нет войны, — отрезала Астрид.

— Ошибаетесь. «Щелчки» — это партизанская война внутри черепной коробки. И у нас есть единственное средство обороны.

Астрид посмотрела на контейнер, потом снова на меморандум. Она видела ловушку. Если она подпишет это, бюджет страны на десятилетия окажется привязан к курсу акций «Кроноса». Отказаться нельзя: если прекратить финансирование, наноботы исчезнут, и «щелчки» вернутся с процентами. Это будет её вина. Её ответственность за кровь.

— И кто будет решать, что считать срывом? Алгоритм? Вы? Совет директоров?

— Порог настраивается государством, — сказала Эрнст.

— На вашей архитектуре, — добавила Астрид. — И по вашим ценам.

Никто не возразил. Это молчание было честнее половины сказанного.

— Вы теряете время, госпожа премьер-министр. Рынок нервничает. Инвесторы хотят гарантий. И мы вам можем их дать. Ресурсы для этого есть. Но нам нужен платёжный ман-

дат. Без тендера. Без дебатов. Тендер займёт полгода. У нас нет полугода. У нас есть примерно сорок восемь часов до следующего инцидента.

Астрид подняла глаза. В её взгляде было холодное понимание расстановки сил.

— Вы очень уверены в необходимости именно вашего решения. И в своей незаменимости.

— Я уверен в темпе, — ответил он. — В спокойные времена люди держатся за процедуры. Но когда общество входит в фазу коллапса, важна только скорость принятия решения.

Астрид задумчиво покачала головой.

— Вы говорите о ресурсах, Вольфганг. Но забываете об одном ресурсе, который у меня есть, а у вас — нет.

Вогт чуть приподнял бровь — механический жест вежливого интереса.

— О каком же?

Она не ответила сразу. Её палец медленно провёл по краю стола. Тихий скрежет ногтя о пластик заставил Эрнст вздрогнуть.

— О легитимности силы. Вы поставляете технологию. Но технология работает только в поле действия закона. Если маржа на «нейробезопасности» начнёт пахнуть спекуляцией на человеческом горе... Если я увижу, что квартальные отчёты «Кроноса» растут быстрее, чем снижается уровень агрессии...

Она сделала многозначительную паузу.

— ...то я не буду продлевать контракт. Я введу чрезвычайное положение в сфере биофармацевтики. Статья 14 Закона о национальной безопасности. Мы национализируем производство. Конфискуем патенты. Вы получите компенсацию по балансовой стоимости активов. Минус штрафы за срыв госконтракта.

Лицо Вогта застыло в улыбке.

— Это уничтожит инвестиционную привлекательность сектора, — сказал он, стараясь говорить ровно.

— Это сохранит государство, — парировала Астрид. — Инвесторы переживут потерю прибыли. Мёртвые граждане — нет. Поэтому давайте договоримся сразу: прибыль — в рамках регулируемого тарифа. Контроль — полный. Любая попытка выйти за рамки будет расценена как угроза конституционному строю. Вы понимаете, что это значит?

Эрнст посмотрела на Вогта. Тот медленно кивнул.

— Мы понимаем риски, госпожа премьер-министр.

— Хорошо. Тогда продолжим. Скажите, вы сами готовы поставить такой слой внешнего контроля между собой и собственным телом?

На этот раз гладкость Вогта дрогнула.

— Вопрос не во мне.

— Именно в вас, — сказала она. — Все вопросы такого рода всегда начинаются с тех, кто приходит с ответом.

— Я над этим... Мои данные нужны для калибровки. Чи-

стога эксперимента.

Эрнст молча подвинула к Астрид планшет. На экране — меморандум, подписи, сроки, полномочия. Внизу красным: *СРОЧНО*.

— Подпишите. Или следующая фотография в этом файле будет из вашего кабинета. Возможно, сделанная вашими...

Астрид подняла ладонь, останавливая фразу.

— Выйдите.

Вогт чуть склонил голову.

— Разумеется.

Они поднялись. Прозрачный контейнер остался на столе — между проекцией старой газетной вырезкой и фотографией крови в ресторане.

Дверь закрылась.

Астрид осталась одна.

Контейнер лежал на столе. Маленький. Прозрачный. Красивый.

Астрид смотрела на него и чувствовала, как внутри что-то отзывается — глухо, на грани слышимости. Ни боли. Ни разочарования. Ни раздражения. Только ровный, чистый свет разума. Только тишина.

Заманчиво. И от того — страшно.

Пальцы сами легли на прохладную грань крышки.

Глава 6. Растяжка

Тишину нарушил голос:

— Я всё слышал. Ты уже решила?

Астрид вздрогнула и отдернула руку. Повернулась на звук.

Прикрыв за собой потайную дверь, в кабинет бесшумно вошёл Поль де Крой.

Личный советник.

Он сел напротив — как садятся люди, которым приглашение давно не нужно.

— Нет ещё. — Астрид обняла свои плечи, почувствовав озноб.

— Решила.

Она устало усмехнулась.

— Ты же знаешь, — она кивнула на контейнер с нанокapsулами, — у меня нет выбора. Контроль над биологией стал вопросом выживания человечества. И меня лично.

Поль протянул руку, взял контейнер двумя пальцами, повертел в свете лампы и поставил обратно.

— Выбор всегда есть. Вопрос в цене. Ты выбрала наименее катастрофическое зло. Теперь давай сделаем вторую часть: обеспечим тебе алиби и поставим их на растяжку.

Он открыл свою старую кожаную папку. Папка выглядела бедно в кабинете, и потому казалась здесь единственной

честной вещью.

— Первое. Ты не подписываешь это одна. Созываешь Совет нацбезопасности. Сегодня. Они слушают ту же презентацию. Решение принимается коллегиально. Голосованием. Потом никто не сможет сказать: «это она».

Астрид резко качнула головой.

— Они не согласятся.

— Согласятся, если не увидят, на что соглашаются, — мягко улыбнулся Поль. — Мы прячем «Гармонию» внутри пакета срочных мер. Бюджет. Кадровые назначения. Санкции. Один пакет. «За» или «против». Никто не рискнёт завалить санкции ради медицинского приложения, которое они не прочтут.

Он перелистнул страницу.

— Второе. Полный поток они получают только через инфраструктуру MINERVA. Не напрямую. Оператором и техническим аудитором остаётся «Инклюзив-360».

Третья страница.

— Третье. Твоя голова. Ты подпишешь меморандум. Но параллельно я готовлю иск в Европейский суд. Нарушение нейтралитета данных и инвазивное вмешательство. От имени анонимной группы граждан. Иск подаётся через неделю после запуска. Он может зависнуть там без движения на несколько лет. Но само его существование делает тебя опасной для них. Не исполнительницей, а свидетелем.

Астрид выдохнула.

— Они это раскусят.

— Они это оценят. Ты покажешь, что играешь на их уровне. Тогда тебя нельзя просто «убрать». Мёртвая ты — мученица и раскрытые карты. Живая — риск и возможный рычаг. Они оставят тебя в игре.

Она закрыла глаза на мгновение. Когда открыла — в взгляде не осталось усталости. Только собранная решимость. Она твердо нажала кнопку вызова секретаря и чётким голосом произнесла:

— Верните представителей «Кронос» в кабинет.

Через минуту Вогт и Эрнст вошли обратно. Уже с тем спокойствием, которое бывает у людей, уверенных, что сопротивление сломано.

Капитуляции не было.

Астрид говорила твёрдо, как говорят при объявлении порядка эвакуации.

— Совет нацбезопасности через час. Вы повторяете презентацию там. Решение о запуске проекта принимается в составе пакета срочных мер. Голосованием. Далее. Второй этап оформляем как пилотный протокол под эгидой ВОЗ. Доступ предоставляется как чрезвычайная мера сроком на два месяца. Стоимость контракта будет определена по итогам пилота.

Она пододвинула планшет. Меморандум был уже другим. С приложениями: проекты решений Совета, списки пилота, параметры аудита. И отдельной ссылкой — уведомление о подготовке иска в Суд ЕС с датой подачи.

Она видела, как от удивления меняются их лица. Это была не просьба. Это была новая разметка поля.

Поль молчал. Но его присутствие за её плечом делало каждую фразу жёстче.

Астрид подняла палец.

— Главное: никакого принуждения. Только добровольцы из групп риска. Но каждое информированное согласие регистрируется в отдельном реестре с персональной ответственностью врача. Каждый побочный эффект — отдельный отчёт в Совбез. Каждая смерть — автоматическое приостановление программы до выяснения.

Вогт нахмурился.

— Это создаст ненужную бюрократию. Врачи будут бояться подписывать.

— Это создаст ответственность, — парировала Астрид.
— Если вы уверены в безопасности — вам нечего бояться. Если не уверены — почему вы вообще здесь?

Вогт попытался что-то сказать, но Астрид подняла руку, останавливая его.

— И ещё. Оператором данных остаётся «Инклюзив-360». Все логи идут через их сервер. Вы получаете доступ к аналитике, но не к сырым данным.

Эрнст резко подняла взгляд.

— Это неприемлемо. Это коммерческая тайна.

— Это условие допуска к государственной инфраструктуре, — отрезала Астрид. — Либо вы доверяете системе, либо

не доверяете. Третьего не дано.

Эрнст положила ладонь на спинку кресла Вогта — машинальный, почти домашний жест, и тут же убрала руку. Однако Астрид заметила. И отметила про себя: их связывает не только работа.

Вогт молчал несколько секунд. Потом медленно кивнул.

— Хорошо. Пилот. Аудит. Логирование. Юристы будут в ярости.

— Это чувство им пока ещё не запрещено.

— Если Совет одобрит, — сказала Эрнст, — нам понадобится немедленный доступ к оператору MINERVA.

— Утром получите меморандум, — ответила Астрид. — Если Совет одобрит.

Вогт посмотрел на неё пристально, словно сверяя с той молодой женщиной из газетной вырезки.

— Вы всё ещё умеете превращать уступку в архитектуру.

— А вы всё ещё умеете называть вторжение сервисом.

Вогт улыбнулся. На этот раз без притворной теплоты.

— Тогда мы понимаем друг друга.

Астрид взяла стилус и подписала направление на Совет с приложенным проектом решения.

Они пожали руки. Движение было коротким и холодным: сделка, не мир.

Когда Вогт и Эрнст вышли, кабинет снова погрузился в тишину. Поль постоял у стола, глядя на контейнер с нано-капсулами так, словно это был ящик Пандоры, который уже

нельзя закрыть. Затем подошёл к Астрид, и положил свою теплую ладонь поверх её пальцев. Это было единственное живое тепло в комнате, где воздух казался стерильным от принятых решений.

— Ты дрожишь, — сказал он.

— Нет.

— Дрожишь в глубине.

В памяти Астрид вдруг ясно всплыл образ больничной палаты. Отец. Его рука, иссохшая до прозрачности, лежащая поверх одеяла, а рядом — ровная линия кардиомонитора. Жизнь, которую аппараты продлевали дольше, чем того хотело само угасающее сознание. Тогда она впервые подумала, что человечество заслужило право на биологический контроль не потому, что стало мудрым, а потому что разучилось умирать иначе, кроме как под диктовку прогнозов.

Астрид сжала ладонь Поля. Подняла и прижала к своим губам. Поцеловала.

— Не уходи сегодня.

Это прозвучало не как просьба, а как признание предела.

Поль посмотрел на неё долго — с той усталой нежностью, какая бывает только у людей, видевших слишком много чужих крахов.

— Я и не собирался.

Взгляд Астрид скользнул мимо Поля к окну, за которым Брюссель продолжал светиться ровным, дисциплинированным светом.

Порядок снова был спасён — ценой, которую ещё не называли.

Контейнер всё ещё стоял на столе. Маленький. Прозрачный. Красивый.

Она знала, что он останется там и завтра. И послезавтра. И через месяц, когда первые добровольцы из групп риска уже перестанут чувствовать.

Глава 7. Корреляция

30 апреля. 08:30. Штаб-квартира «Инклюзив-360», кабинет вице-президента по операционной деятельности.

На экране своего планшета Алекса открыл пришедший полчаса назад меморандум под грифом Совета национальной безопасности.

Тема: «Интеграция протокола “Гармония-Предиктор” в инфраструктуру MINERVA. Этап 1: предоставление полного доступа к каналам био-мониторинга».

В приложении лежала презентация «Кронос-Биофарм». Научное обоснование инцидентов и предлагаемые корпорацией меры.

Алекс запустил проверку через свою нейросеть: верификация выкладок, устойчивость выборки. Цифры были безупречны. «Кронос» не врал на уровне нулей и единиц. Но математика — это язык логики, а не интуиции. И сейчас его интуиция глухо ворчала.

Он открыл карту инцидентов. В отчётах — «спонтанная агрессия». В кулуарах — «щелчки».

Бельгия на экране выглядела как карта больного: воспалённые красные пятна расползались от городов, словно метастазы по лимфатической системе страны. Кроме одного места.

Брюссель — город, сплошь покрытый камерами и датчиками — на карте светился приглушённым жёлтым. Минус 37%. Восемь месяцев. Устойчивая динамика.

Не случайность. Не погрешность.

Он увеличил масштаб, поменял фильтры. И рядом с этим пятном возник второй слой.

Заповедник R-447. Феномен «Хор».

Алекс замер. То, что система маркировала как «низко-смысловой шум»: стихийные уличные вокализы — некоммерческие, беспорядочные, никому не нужные.

Но две кривые на его диаграмме не спорили. Они танцевали один и тот же танец — зеркальное отражение друг друга в тёмном зале статистики.

Он активировал коммуникатор и набрал номер.

— Приёмная премьер-министра.

— Алекс Сиддики. «Инклюзив-360». Срочно. По меморандуму СНБ. Мне нужно к госпоже Ван дер Мейрен лично. На пять минут.

Пауза в трубке.

— Ваша идентификация и допуск подтверждены... Приходите.

09:55. Приёмная премьер-министра.

Секретарша открыла дверь в кабинет, пропуская Алекса. Астрид сидела за столом и рассматривала голограмму. Слева от неё висел список жертв — лента имён, похожая на поминальную молитву. Справа пульсировал график стабильно-

сти: зелёная линия, похожая на кардиограмму умирающего, отчаянно цепляющегося за жизнь. Между этими двумя полюсами сидела она сама — тонкая линия, которую можно стереть одним неверным решением.

— Госпожа премьер-министр, я по поводу «Гармонии». MINERVA видит аномалию, которая может стать альтернативным решением.

Астрид выпрямилась. Она скомкала голограмму одним движением руки, словно пытаясь стереть неудобную правду.

— Говорите.

Алекс развернул свой планшет. Карта Еврозоны, усыпанная точками инцидентов. Красное тянулось от крупных городов, как воспаление.

— Синдром семантического истощения подтверждён. Но Брюссель в эпицентре — и при этом ниже среднего на тридцать семь процентов. Восемь месяцев устойчивой динамики.

Сменил слайд. Две кривые: частота «щелчков» и активность в сегменте «Заповедник R-447. Феномен "Хор"». Кривые шли зеркально.

— Статистическая значимость — 85.7%. Механизм не ясен, но эффект измерим. Это не лекарство. Это среда. Без инвазивной биокоррекции и без пожизненной зависимости от одного поставщика.

Астрид откинулась в кресле.

— «Механизм не ясен», — повторила она. — «Можем изучать». Алекс, у меня люди режут друг друга ножами. У

меня нет времени на «можем». Мне нужно «делаем».

— «Кронос» предлагает вам чёрный ящик. Вы отдаёте ключи от страны частной корпорации. У них цель — прибыль. У вас — стабильность. Это конфликт на системном уровне. Вы строите не защиту. Зависимость.

Астрид подняла взгляд — холодный, ясный.

— Думаете, я не вижу? Вижу. Но вижу и трупы. Паника сметёт нас за неделю. «Гармония» — единственный рычаг, который у меня есть. Ваш «Хор» — гипотеза. Хорошая. Но гипотеза.

Она наклонилась вперёд. Алекс вдруг понял: она не спорит. Она считает.

— Вы предлагаете бороться с пожаром, изучая влажность воздуха, когда у меня уже есть договор на поставку огнетушителей.

Алекс стоял, чувствуя, как вера в данные разбивается о простую политическую арифметику.

Астрид снова стала официальной.

— Займитесь интеграцией. Пусть MINERVA считает свои корреляции. А «Гармония» будет спасать жизни. Это и есть эффективность.

Она демонстративно отвернулась к мониторам.

Алекс дошёл до двери, положил ладонь на ручку.

И понял, что смущало его весь день — темп. Его осенило внезапно, холодным ознобом.

Он обернулся.

— Госпожа премьер-министр.

Астрид медленно подняла голову. На лице — раздражение.

Но его было уже не остановить. Алекс почувствовал, как голос обретает стальную уверенность.

— А что, если весь этот кризис — не ошибка системы? Что, если «Гармония» — не лекарство от болезни, а сама болезнь? Просто следующий этап. И нас торопят именно для того, чтобы мы не успели найти другое противоядие?

Губы премьер-министра сжались в тонкую линию. От её взгляда Алекс почувствовал, что в помещении стало на несколько градусов холоднее.

В кабинете стало тихо — той звенящей тишиной, которая наступает после того, как сказано слишком много лишнего. Слышно было только невнятный гул воздушных фильтров на потолке — механическое дыхание здания.

Астрид выдохнула.

— Уходите, Алекс.

Экран монитора отразился в её зрачках, поглотив взгляд целиком. Разговор был окончен.

Глава 8. Нежданный союзник

Алекс вышел от премьер-министра и только в коридоре выдохнул. Досада сидела под рёбрами тупой иглой. Интегрировать «Гармонию-Предиктор». Встроить в MINERVA чужой слой. Он остановился у окна, прижал ладонь к холодно-

му стеклу — на секунду, чтобы взять себя в руки. От одной мысли о том, как чужеродный код вползёт в нервную систему страны, его передёрнуло, будто от запаха хлорки.

Коммуникатор завибрировал.

Сообщение от ассистента из «Инклюзив-360»:

К вам в приёмную пришёл комиссар Мартин Ван ден Берг из отдела особых расследований. Настаивает на срочной встрече.

Алекс остановился посреди коридора. Комиссар. Полиция. Значит, уже не только политика и отчёты. Кто-то ещё пытается работать по старой схеме: вопрос, факт, мотив.

Или наоборот: пришли поставить подпись и закрыть папку.

Он набрал ответ:

Пусть ждёт у меня в кабинете. Буду через 20 минут.

Кабинет Алекса был полной противоположностью кабинету премьер-министра. Не крепость, а витрина уверенности: открытое пространство, живые растения на стеллажах, мягкий свет, панорамное окно. На большом экране тихо пульсировали абстрактные визуализации сетевой активности MINERVA, давая ощущение прозрачности и контроля, хотя Алекс лучше всех знал, что это всего лишь красивая картинка.

Мартин стоял посреди кабинета, рассматривая вид из панорамного окна. Ладони он держал в карманах — единственный жест, выдававший, что ждать ему надоело.

— Комиссар, простите за задержку, — извинился Алекс. Тот обернулся. Взгляд был холодный, оценивающий.

— Ван ден Берг. По делу об инцидентах. Хотя... — он коротко усмехнулся. — После смерти Фуко-Леви любое расследование напоминает вскрытие. Причина смерти ясна с первого взгляда. Удар молотка. Но приказ есть приказ. Нужно составить отчёт, где будет всё, кроме главного.

Алекс сел и жестом предложил ему место.

— А что главное? — спросил он.

Мартин сел, но не расслабился.

— Главное, что система, призванная исключить насилие, породила его в самой чистой форме.

Он посмотрел на экран, где MINERVA изображалась как спокойная рябь.

— Хочу узнать мнение специалистов вашей корпорации, как оператора системы — что, чёрт возьми, происходит?

— Диагноз уже озвучен, — тихо ответил Алекс. — «Синдром семантического истощения». И лечение тоже уже выбрано.

— «Гармония»?

— Да. Проект «Кронос-Биофарм».

Мартин кивнул, будто поставил галочку в собственной голове.

— Они везде. Когда копаешься в причинах, начинаешь смотреть, кто крутится вокруг эпицентра. «Кронос» крутится.

Алекс вдруг ощутил странное облегчение. Его сомнения не паранойя. Их видит ещё кто-то.

— Они получили официальный мандат: полный доступ к инфраструктуре MINERVA. Нейросеть станет для них либо системой доставки... либо системой прицеливания.

Он замолчал на секунду, колеблясь. Потом продолжил:

— Я был у премьер-министра. Пытался предложить альтернативу. Не блокаду эмоций, а естественный буфер.

Он рассказал коротко. Корреляция, «Хор», графики. Чем всё кончилось: «красивая гипотеза» против «гарантии».

— Я не верю, что это просто лечение. — Алекс помолчал, подбирая слова. — Слишком всё удобно. Кризис растёт — и мгновенно появляется спаситель с готовым решением. Мне кажется... — он запнулся, понимая, как это звучит, — мне кажется, этот синдром если не спровоцирован, то использован.

Мартин ждал.

— Чтобы создать дефицит времени. Чтобы загнать всех в угол.

Лицо Мартина оставалось каменным — маска профессионала, видевшего слишком много трупов. Но глаза работали: они скользили по Алексу, словно сканируя не слова, а намерения, отбрасывая шелуху корпоративной риторики и цепляясь за крупички искренности. В них читался опыт человека, знающего: самые страшные преступления совершаются с безупречными документами в руках.

— У вас есть доказательства? — спросил он наконец. — Хотя что-то, кроме корреляции и ощущения?

Алекс развёл руками.

— Только статистика. И логика, которая кричит. Зачем «Кроносу» такая спешка? Почему их решение единственное на столе? Почему «полный доступ» сразу, без этапов? На эти вопросы нет ответов. И задавать их уже некому. Решение принято. Мне остаётся... интегрировать.

Мартин медленно поднялся и снова подошёл к окну. Внизу город двигался ровно, будто ничего не происходило.

— Формально моё расследование — инциденты. Причины. Предпосылки... Гипотеза о внешней провокации выходит за рамки мандата.

Он замолчал на секунду дольше, чем требовалось для дыхания. В этой паузе решалась судьба их разговора.

— Неофициально... — голос комиссара стал тише, тяжелее, — у меня ещё есть люди. Те, кто помнит, что закон пишется для живых, а не для графиков стабильности. Люди, которые умеют искать улики. Если «Кронос» везде, они должны оставлять следы. Фонды. Подрядчики. Увольнения. Судебные дела. Тихие компенсации. Любая тень, цифровая или бумажная.

Алекс встал. Протянул руку. Не как формальный жест, а как согласие на риск.

Мартин пожал руку. Крепко. Коротко.

Дверь закрылась. Алекс остался один.

Графики на экране продолжали пульсировать — ровно, успокаивающе. Алекс смотрел на них и думал о том, что, возможно, только что подписал себе приговор. Или, наоборот, впервые за долгое время сделал что-то правильное.

Глава 9. «Сверчок»

1 мая. 07:03. Сент-Элуа-де-Буа. Заповедник R-447. Сарай-мастерская.

«Мул» остановился у распахнутых ворот сарая. Грузовой робот смешно перебирал всеми шестью ногами, выбирая место, — шелест сервоприводов, будто он что-то бормотал себе под нос. Лукас шёл рядом, очки на лбу, на щеке — свежая полоса масла. В руках разобранный контроллер ветряка.

Он положил его на стол и кивнул в сторону «мула». Там, на куче брезента, лежал снятый трёхметровый сегмент углепластиковой лопасти.

— Трещина. Не свежая. Ещё контроллер дурит. И я знаю, кто неделю назад проводил профилактический осмотр.

— Гремлин, — сказал я.

Лукас кивнул. В его голосе мелькнула та усталая злость, которая бывает у тех, кто уже привык, что взрослые не слушают:

— Он гений цифры, пап. Но лопасть не цифра. Она треснула и молчит. А он думает: зелёный свет — значит, всё работает. Материал не умеет жаловаться. Только ломаться.

Я хотел ответить, но в глубине сарая кто-то кашлянул. Нарочито.

Из-за стеллажа вышел Гремлин. Двадцать три года, худой, стремительный. По документам — Матиас Клаасен, но здесь

его никто так не называл. Двадцать три года, худой, стремительный — таким бы играть в настольный теннис, но он выбрал паяльник и клавиатуру.

— Привет, — сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Лукас не ответил. Стоял и смотрел на лопасть. Пальцы сами коснулись края — не проверяя, а просто касаясь. Как будто материал мог ответить, если его не торопить.

— Это лопасть, — сказал он наконец. — Она держит нагрузку или не держит. Третьего не дано.

Гремлин подошёл ближе. Взял контроллер двумя пальцами, как берут что-то хрупкое и чужое:

— А это? Тоже «держит или не держит»? — Он повертел его в руках, разглядывая со всех сторон. — Или это просто пластик, которому ты не доверяешь?

— Я доверяю тому, что не врёт, — ответил Лукас. — Материал не врёт. А контроллер показывает зелёный, когда всё уже сломалось внутри.

Гремлин хотел что-то сказать, но Лукас перебил — не громко, так перебивают, когда боятся, что не договорят:

— Я не хочу, чтобы ты делал вид, что не при чём, когда ветер нам это отломает. И купола останутся без питания.

На секунду повисла тишина. Гремлин посмотрел на контроллер в своих руках, потом аккуратно, почти осторожно положил его обратно на стол.

— Ладно, — сказал он. — Ты показываешь, как чинить

трещину. А я рассказываю, почему контроллер дурит. Потом решим, кто из нас притворяется.

Он улыбнулся — коротко, без иронии.

Лукас не улыбнулся в ответ. Но плечи у него чуть расслабились.

Я стоял в стороне и смотрел. Это был тот редкий случай, когда подросток и молодой взрослый спорили по делу, а не выясняли, кто из них главный. Я не вмешивался. Пусть.

Лукас вытащил сегмент лопасти из кузова и перенёс на стол. Кусок был лёгким для своих размеров, но неудобным — длинный, скользкий, упругий. Трещина шла не по линии: она уходила внутрь слоя и расплзалась под поверхностью, как коррозия под краской.

— Видишь? Лопасть давно уставала. Микротрещины шли под кожей, наружу не вылезали. А теперь — здрасьте.

Гремлин присел рядом, повторил жест Лукаса. Коснулся композита — и отдёрнул пальцы, словно обжёгся.

— Я не чувствую этого, — сказал он, глядя на свою руку. — Для меня это... молчит.

Лукас посмотрел на него. В этом взгляде была не жалость — скорее понимание.

— Поэтому я и злюсь, — сказал он тише. — Ты чинишь то, что не слышишь.

Гремлин кивнул. Не спорил.

Он поднялся и пошёл к верстаку.

— Осциллограф где?

Я молча кивнул на полку. Старый осциллограф стоял рядом с лаком и тряпками. Гремлин включил его. Экран мигнул и ожил дрожащей линией. Он раскрыл контроллер, подключил щупы. Потом снял свою коробку и подцепил к длинному оголённому проводу, который висел вдоль стены — старому, непонятно зачем оставленному.

На зелёном дисплее пошли гребёнки частот.

— Смотри. Подстанция, гармоники, помехи от куполов. Контроллер это сглаживает, как мусор. — Он ткнул пальцем в узкий пик. — А вот это он не сглаживает.

Лукас прищурился.

— Что это?

— Внешний вызов. Контроллер ловит сигнал и пытается синхронизироваться. Кто-то цепляет его по служебному протоколу.

— Кто?

— Дрон, датчик, проверка. Сейчас неважно. Важно, как убрать.

Он показал на осциллограф: линия иногда выдавала короткий аккуратный «зубец».

— Ты умеешь резать металл? — спросил Гремлин.

— Да, — коротко ответил Лукас.

— Тогда режь. Нужен экранирующий кожух. Чтобы контроллер меньше «слушал» вокруг.

Лукас посмотрел на меня — можно? Я пожал плечами.

Сын молча ушёл в угол, достал лист нержавеющей стали, закрепил

пил в тисках. Ножницы по металлу закрипели — ровно, без спешки. Гремлин паял: транзисторы, конденсаторы, куски экранированного кабеля. Работали молча.

Через двадцать минут Лукас поставил на верстак кривой кожух.

— Держи. На коленках делал, поэтому уродство получилось.

Гремлин взял его, покрутил в руках, примеряя к контроллеру.

— Главное, чтобы работало, — сказал он.

Они закрыли контроллер, закрепили. Проверили. «Зубец» на осциллографе стал почти незаметным.

— Хорошо. Теперь лопасть.

Лукас вытер руки и вернулся к сегменту.

— Просто смотри. Вопросы потом, — сказал он уже без злости.

— Договорились.

Он говорил коротко и по делу: где усилить, где снять напряжение, как поставить заплатку, чтобы трещина не побежала дальше. Гремлин не лез — смотрел, запоминал. Иногда задавал уточняющие вопросы: «А если с другой стороны подойти?», «Это держит?» — и получал короткие ответы: «Нет», «Только так».

Когда клей схватился и лопасть снова стала похожа на деталь, Лукас открыл дверь сарая — выветрить запах клея.

В это время Гремлин достал с полки катушку кабеля и

старый генератор от списанного грузового дрона.

— Пока сохнет, можно собрать штуку. Которая даст нам пару минут, когда станет совсем тесно.

Он выложил детали.

— Что это?

Гремлин постучал по генератору:

— Источник шума.

— Его и так полно.

— Не акустический, — пояснил он. — Такой, который забивает их радиосигнал.

Лукас кивнул, принимая информацию, хотя вряд ли понял до конца.

— Куда ставить?

Гремлин кивнул в угол, где стояла старая садовая тележка на двух колёсах.

— На неё.

Они подогнали тележку к верстаку. Гремлин поставил на неё генератор, блок конденсаторов и маленький чёрный модуль. Его пальцы двигались быстро и точно — паяльник ложился в руку как продолжение пальцев, без лишних движений.

Лукас стоял рядом и смотрел. Потом сказал уверенно:

— Оторвёт крепления. Не выдержит вибрацию.

Он достал уголки, приложил к тележке, отметил дырки. Потом закрепил в тисках. Поискал глазами дрель. Дрель висела на крючке — на своём месте. Лукас коротко хмыкнул.

Порядок всё-таки прижился. Сверло сняло первую стружку — ровно, без рывков.

Гремлин закончил с проводкой, отложил паяльник и посмотрел на тележку.

— Вроде сидит жёстко, — сказал Лукас, потряс генератор. — Не загорится?

— Не должно, — ответил Гремлин. — Я с огнём на вы. Он закатал рукава рубашки, и мы с сыном увидели шрамы — белесые пятна на коже, неровные, старые.

— Это что? — спросил Лукас.

Гремлин посмотрел на свои руки, будто видел их впервые. — Коктейль Молотова. В начале тридцатых вместе со старшим братом разливал зажигательную смесь по бутылкам. — Он помолчал. — С той поры стараюсь всё делать аккуратно.

— Тебе сколько тогда было? — спросил я.

— Одиннадцать. Брат был хакером-анархистом. Когда начались уличные столкновения, сменил клавиатуру на бутылки. И меня к этому приобщил.

Он тряхнул головой — резко, как собака после купания. — Да... Весёлые времена были.

— Я их смутно помню, — сказал Лукас. — Маленький был. Помню только, как на нашей улице автомобиль перевернули и подожгли. Я из окна смотрел, как вокруг него толпа бегала и что-то кричала. Потом мама увела меня в спальню и включила музыку — громко, чтобы я не слышал шума.

— «Щелкунчик», — сказал я. — Мама ставила его, когда ты не мог заснуть. Говорила, что он — про страну, где нет плохих людей.

Лукас молчал. Гремлин хмыкнул, не поднимая глаз:

— У нас в десять лет были другие сказки.

Он принялся подключать генератор к конденсаторам, к анализатору и осциллографу. Линия на экране нервно дрожала.

Гремлин показал Лукасу узел: две пластины на микрозазоре и керамический изолятор.

— В этой коробке рождается маленькая молния. Она забивает эфир.

— Это безопасно?

— Для людей — безвредно. Для их связи — не очень.

— Как включать?

Гремлин показал рубильник:

— Тут. И предохранитель. И механический запуск — без него не включится.

Он достал из ящика тяжелый маховик.

— Тоже с помойки? — спросил Лукас.

— Конечно. Остатки былой цивилизации. Не пропадать же добру.

Они вместе закрепили маховик на оси. Лукас накинул цепь и натянул — сначала в струну, потом ослабил, давая чуть-чуть люфта.

— Зачем? — спросил Гремлин.

— Цепь, которую натянули идеально, рвётся, — пояснил Лукас, подёргав её. — Нужен небольшой люфт. Чтобы под нагрузкой было куда податься. Так живёт дольше.

Гремлин кивнул, наблюдая за его руками.

— Ты реально учишься на механика?

— Дистанционно. Курсы университета. В городе это считается «полезной экзотикой». Типа ремесла.

Устройство вышло неказистое: короб, маховик, цепь, катушка, рубильник. Но выглядело надёжно.

Гремлин положил ладонь на корпус — будто проверял, дышит ли.

— Название нужно.

— Тележка?

— Не. Это мелкая тварь, которая шумит и прячется.

Лукас подумал:

— Сверчок.

Гремлин поднял на него глаза, потом снова посмотрел на тележку. Усмехнулся:

— Подходит.

Он взял белый маркер и вывел на корпусе: СВЕРЧОК.

— Ну что, проверим? — спросил я.

Гремлин кивнул:

— Но не здесь.

Лукас сразу понял.

— На поляне?

— Да.

Они выкатили тележку наружу. Холодный воздух ударил в лицо — пахло травой и влажной землёй. Где-то вдалеке гудел купол. Над куполами прошёл дрон — высоко, не снижаясь.

Лукас сжал кулаки.

— Этот не по нашу душу, — сказал Гремлин. — Собирает статистику.

— Мы для них и есть статистика, — буркнул Лукас.

До поляны шли минут двадцать. Гремлин разложил кабель змейкой, подключил анализатор.

— Готов?

— Нет. Но поехали.

— Тогда ты крутишь механику, я включаю искру.

Лукас провёл пальцем по цепи, на звеньях которой виднелись темные пятна застывшей смазки. Потом взялся за ручку маховика. Она была с шершавым резиновым покрытием — чтобы не скользила в потной ладони.

— Ну, давай, — сказал Гремлин почти шёпотом.

Лукас крутанул. Ручка пошла тяжело — первый оборот с хрустом, будто внутри что-то отдиралось от стенок. На втором стало легче, но тележка дрогнула, и цепь противно звякнула о корпус. Лукас замер на секунду — проверить, не соскочила ли. Нет, держалась.

— Быстрее, — не приказ, а мольба.

Лукас вцепился обеими руками и пошёл по кругу — рывками, неритмично, как учат на старых станках, где плавность

не нужна, нужна сила. Ручка начала гудеть, вибрация пошла в ладони, в запястья, в локти — будто механизм проверял подростка на прочность. Он чувствовал, как внутри маховика набирает обороты тяжесть, как цепь натягивается и чуть проседает — потому что он дал ей этот люфт. И теперь она дышала.

На третьем круге зажглась лампочка. Сначала тускло, потом ярче — желтоватым, дрожащим светом.

— Есть заряд, — выдохнул Гремлин и перевел взгляд на меня. — Запускаем?

Я кивнул.

Щёлкнул рубильник. Звук получился тяжёлым, окончательным — как захлопывающаяся дверь. Или, наоборот, открывающаяся.

Внутри ящика треснуло. Потом ещё. Потом искра забила часто, и корпус начал мелко вибрировать — так вибрирует живое, когда его заводят до предела. Запах озона ударил в нос — резкий, чистый. В городе так пахнет только после грозы. Но гроз в городе почти не бывает.

На анализаторе ковёр помех поднялся стеной. Пики сигнала MINERVA утонули в нём, как голоса в толпе.

Я достал коммуникатор, нажал вызов. Экран показал: *НЕТ СЕТИ*.

— Работает, — сказал я.

Гремлин выключил рубильник. Треск оборвался, но запах озона остался.

— Радиус?

— Метров сто.

— На сколько хватит?

— На минуты. Вручную больше не накрутить. Но этого достаточно.

Над деревьями снова прошёл гул. Дрон — ниже, чем раньше.

— Ладно, сворачиваемся. Не наглеем, — сказал Гремлин, поднимая голову.

Он смотал кабель и упаковал анализатор. Назад Лукас катил «Сверчка» сам. Гремлин шёл рядом, придерживая ручку, чтобы не гремело.

— Ты всё ещё бесишь меня, — сказал Лукас.

— Взаимно, — ответил Гремлин.

— Но с контроллером помог.

— А ты сделал так, чтобы он не развалился на первой кочке.

Гремлин похлопал подростка по плечу. Жест вышел взрослым.

Я шёл позади, смотрел на их спины и думал о том, что только что видел. Два человека, которые ещё утром говорили на разных языках, нашли общий. Не через слова. Через железо, клей, искру и цепь, которую натянули ровно настолько, чтобы она не порвалась.

Тележка въехала в распахнутые ворота сарая. На корпусе, тускло поблёскивая в полумраке, белела надпись:

СВЕРЧОК

Гремлин накиннул брезент — быстро, привычно, как укрывают спящего.

Глава 10. Острова

1 мая. 09:17. Сент-Элуа-де-Буа. Заповедник R-447

Помятое ведро ушло вниз. Цепь загрохотала в каменном горле колодца, потом — всплеск, глухой и далёкий. Я крутил ворот, чувствуя, как наливается тяжесть. Поднял. Капли на ободке блестели на солнце, как ртуть.

Сделал глоток. Зубы заломило.

Вода была без пометки о pH, без рекомендаций по дозировке. Без этикетки. Просто холодная, с привкусом железа. Не «оптимизированная». Настоящая.

Над куполами прошёл дрон — высоко, с белой полосой на брюхе. Санитарный контроль. Не снизился. Не имел права. Статус R-447 — «Культурно-экологический заповедник. Пилотный проект Министерства социальной гармонии» — обязывал полицейские машины держать дистанцию. Для правительства мы были витриной. Для нас — щитом. Формальным, хрупким. Но щитом.

Алекс когда-то пробил этот статус. С тех пор Гремлин подмешивал шум в статистику, и деревня выглядела «нормально». Настолько нормально, насколько можно быть нормальным, живя не по протоколам.

В «био-куполах» зашипели клапаны — включился полив. Через два часа грузовой дрон увезёт отсюда рукколу в Брюссель, в «Музей Аутентичности». Там овощи упакуют

в коробки с логотипом R-447 и продадут втридорога. А с покупателя MINERVA снимет 0,3 балла индекса гармонии за «неэтичное потребление». Небольшой штраф. Чтобы совесть была обслужена, а спрос не упал.

Инд�льгенция. Купил рукколу — отмолил грех.

Я допил воду и пошёл вдоль грядок.

Со стороны холма показался старый электромобиль, выкрашенный под санитарный транспорт. На боку — лицензия «транспортировка музейной продукции». Всё куплено ровно настолько, чтобы не трогали.

Машина притормозила у гостевых домиков. Из неё, озираясь по сторонам, неуверенно вышла женщина. Строгий костюм, туфли на тонких каблуках — городских, совершенно неподходящих для гравия. Каблук сразу утонул.

За рулем сидел Лео. Он опустил стекло и поздоровался. Потом кивнул головой в сторону женщины.

— Из «Евро-Кредит Банка». После случая в ресторане она трижды отказалась от нейрoадаптации. Платит нам, чтобы неделю посидеть в тишине без MINERVA.

Женщина сделала вид, что не расслышала его слов, и с интересом уставилась на покосившийся сарай.

Я подошёл. Не стал протягивать руку — она не выглядела человеком, который хочет прикоснуться к незнакомцам.

— Здесь без записей, — сказал я. — Без индексов.

Она перевела взгляд на меня. Секунду молчала.

— И вы правда не записываете? Ничего?

— Если захотите оставить след — дам бумагу и ручку. Но это не обязательно.

Она смотрела на меня долго. Так смотрят на дверь, которую боятся открыть. Потом кивнула и пошла к гостевому домику. Каблук скрипел по гравию.

Я не пошёл за ней. Если человек приехал за тишиной, нечего нарушать её шагами за спиной.

Деревня просыпалась.

Фрау Хубер вышла на крыльцо. Девяносто лет. Прямая спина. Взгляд, который не просит, а требует.

— Доброе утро, Томас. Сегодня жду на распевке. Не забудь.

Я кивнул и пошёл к «звуковой» — переоборудованному хлеву, где пахло сеном, зерном и деревом. Изнутри доносились голоса. Не пение — спор.

Я приоткрыл дверь.

Элиас и Мауро стояли друг напротив друга. Мауро привычно размахивал руками, подкрепляя свои слова жестами.

— Так не пойдет! Слишком красиво. Как на открытке. Купят, упакуют в рамку, повесят в музее. Рядом с рукколой.

— А что, лучше, чтобы не заметили?

— Лучше, чтобы вздрогнули. Чтобы в груди что-то сжалось, а объяснить не смогли. Чтобы тишина наступила.

Элиас взял ноту. Чуть выше, чем «правильно» — ту, что режет слух. Мауро кашлянул, и этот кашель вдруг лёг в ритм. Случайно. Или нет.

— Так, — сказал Мауро тише. — Не «красиво». А так. Они начали заново. Я закрыл дверь.

У сарая Лукас возился со своим «мулом». Средняя правая нога грузового робота перестала сгибаться — сервопривод заклинило. Подросток раскручивал крепление отвёрткой. Один из винтов выскользнул и упал в траву.

Лукас чертыхнулся и полез искать. Ползал на коленях, перебирал травинки пальцами. Без подсказки. Без дополненной реальности, которая мигнула бы зелёным и сказала: вот он, в двенадцати сантиметрах левее. Он не спешил.

Рядом стоял Элио Штерн.

Он чуть наклонил голову, будто прислушиваясь к частоте, которую другие не слышат. Его имя значилось в университетских программах, в разделе «Философские предпосылки появления MINERVA». Автор манифеста «Данные для 99%». Человек, чьи идеи стали системой.

Теперь он смотрел, как подросток ищет винт в траве.

— У вас тут ничего не подсказано, — сказал он наконец. — Никаких уведомлений. Он просто... ищет.

— Потому что можно ошибаться, — ответил я.

Штерн повернулся ко мне. Подбородок дёрнулся — старая привычка спорить. Но он не сказал ничего. Закрыл глаза и стоял так, слушая ветер.

Лукас с победным вскриком нашёл винт и закрутил обратно. Сервопривод дёрнулся, ожил. Подросток отряхнул колени. Даже не заметил, что на него смотрели.

Штерн открыл глаза. Посмотрел на работа. Потом на приямую траву, где только что ползал мальчик.

Ничего не сказал. Но я видел, как он запомнил.

На дороге показался микроавтобус. Краска выцвела, эмблема почти стёрлась: «Историческое общество Ностальгия».

— Из «Родословной», — сказал Гремлин, подходя. Он вытирал руки тряпкой, на пальцах канифоль. — Периферийные острова. Я тебе показывал карту.

Я вспомнил. Ночные разговоры. Чат, где Гремлин общался с такими, как мы. Ретроклубы, катакомбники, фермеры без чипов. Ничего громкого. Никакой революции. Просто сеть, где люди делились тем, что у них осталось.

— Они теперь сюда ездят?

— Иногда. Я им глушилки, они мне запчасти. Честный обмен, без системы. — Он усмехнулся. — Ты не представляешь, как трудно найти транзисторы, которые не отслеживаются.

Из автобуса вышли трое.

Первый — мужчина с плёночным фотоаппаратом на груди. Тяжёлая бляха на ремне, ботинки, которые помнили другую эпоху. Он оглядел деревню с почтительным любопытством — как музейный смотритель, который сам попал в экспонат.

— Из ретроклубов, — тихо сказал Гремлин. — Собирают плёнки, пластинки, книги, журналы. Прошное для них —

убежище. Там они могут побыть теми, кем хотят, а не теми, кем их видит алгоритм.

Мужчина подошёл, поздоровался. Протянул жестяную коробку.

— Мы нашли редкую запись концерта «Битлз». Теперь ездим по общинам и организовываем совместное прослушивание. Хотим сегодня вечером у вас прослушивание сделать.

— Мы не против, если официальное разрешение есть.

— Есть. — Гремлин хмыкнул за моей спиной. — От министерства культуры. «Реконструкция исторической звуковой среды». Я помог с формулировками.

Вторым вышел мужчина в тёмном. Помог сойти пожилой женщине. Руки у неё были узловатые, с крупными суставами, как корни старого дерева. Она оперлась на его локоть и оглядела деревню, будто искала что-то знакомое.

Фрау Хубер, которая как раз проходила мимо, остановилась. Они с гостьей обменялись взглядом. Тем особенным, каким узнают друг друга люди, не нуждающиеся в словах.

Фрау Хубер подошла ко мне. Кивнула на женщину.

— Из катакомбников. Община в бывшем приходском доме. Христиане, мусульмане — все, кто ушёл из официальных структур. Для системы — «культурно-религиозное общество». А себя называют людьми, которые молятся без протокола.

— Зачем приехали?

— За свечами. На Рождество была проверка. Ритуальные

практики признали несертифицированными. Свечи конфисковали.

— У нас есть запас. Поделимся. Без документов.

Фрау Хубер посмотрела на меня с усмешкой — той самой, которая появлялась, когда я говорил очевидные вещи.

— А они документы и не признают. Всё заверяется рукопожатием. Милосердию не нужно одобрение алгоритма.

Третьей из автобуса вышла молодая девушка. Чуть больше двадцати. На руках — младенец.

Я остановился. Лео, шедший с ящиком запчастей, запнулся на полшага.

В городе детей до трёх почти не видно. Их вывозят в специализированные кластеры, где профессионалы заботятся о них, пока родители работают. Ребёнок на руках у матери — редкость. Почти анахронизм. Как плёночный фотоаппарат. Как рукопожатие вместо подписи.

Девушка подошла к колодцу. Зачерпнула ладонью воду из ведра, выпила. Потом мокрой рукой обтёрла лицо ребёнка. Тот открыл глаза, посмотрел на небо. И снова закрыл, доверчиво ткнувшись носом в тепло.

Лео стоял в трёх шагах. Ящик с запчастями он так и не поставил.

— Из Арденн, — тихо сказал Гремлин. — В горах община, человек сто. Сами строят дома. Живут без сети. По документам — «сезонные сельхозработники».

— У них правило, — добавил он с лёгкой усмешкой. —

После близости — никаких оценок.

Я смотрел на девушку у колодца. На то, как она качала ребёнка. Потом обернулся на звук. Лео открыл капот своего автомобиля и стал делать вид, что проверяет крепления аккумулятора. Взгляд его то и дело соскальзывал туда, где колодец.

— Лео.

— Мм.

— Ты гайку сорвёшь.

Он посмотрел на ключ. На гайку. Отпустил.

— Я просто проверяю.

— Они все затянуты.

Он положил ключ. Взял другой. Положил обратно. Взял тряпку. Стал вытирать руки, которые и так были чистые.

— Нравится? — спросил я.

Лео дёрнулся, будто его застали за взломом.

— Да нет. Я просто... смотрю. На ребёнка. Давно не видел. Чтобы вот так. Без кластера.

— Я вижу, как ты смотришь. Не на ребёнка.

Тишина. Тряпка замерла.

— Смотри, увезут тебя в Арденны, — сказал я. — Будешь там дома строить и огурцы выращивать.

— Иди ты, — буркнул Лео и захлопнул капот машины.

Но щёки у него предательски покраснели.

Я смотрел на него и непроизвольно улыбался. Невозможно влюбиться красиво. Только вот так: с ключом в руке, с

закрученной до упора гайкой, с тряпкой, которой вытираешь чистые ладони.

В кармане пискнул коммуникатор. Долгий, тревожный звонок.

Алекс.

Я отошёл за сарай. Принял вызов.

Голос сдавленный. Хриплый. Будто он только что говорил с кем-то, кого боялся.

— «Кронос-Биофарм» добила своё. Контракт подписан. «Гармония-Предиктор» получает полный доступ к магистральям MINERVA. Всё. Я уже не могу это остановить.

Пауза. Шорох — ладонь по лицу.

— Деятельность «Хора» станет бессмысленной. Никто не сможет чувствовать то, что мы транслируем. Система просто срежет.

Корпус телефона жалобно скрипнул в руках.

— На меня вышел комиссар Ван ден Берг, — продолжил Алекс тише. — Формально по «щелчкам», но вопросы не по протоколу. Предложил обмен данными. Его группа попробует тайный аудит «Кроноса». В обход.

— Дай ему что нужно. Но R-447 не должно светиться. Если выйдут на нас — всё рухнет.

Алекс выдохнул. Долго, с присвистом.

— Понял.

Связь оборвалась.

Я ещё секунду держал коммуникатор у уха. Потом убрал.

Гремлин вопросительно посмотрел на меня.

— Вечером собери их, — сказал я. — Всех, кто приехал.

Пусть расскажут о том, как живут.

Он кивнул. Помолчал.

— У них у всех одно и то же. Страх, что система дотянется до них. И надежда, что есть места, куда не дотянется.

— Значит, будем таким местом.

Из-за угла донёсся звук — Лукас гонял «мула» по двору, проверяя сервопривод. Робот шагал, смешно перебирая всеми шестью ногами.

У колодца стояли двое. Лео и девушка из Арденн. Не разговаривали, просто вместе смотрели вдаль.

Гремлин хихикнул. Лео повернулся и увидел нас. Замер с выражением человека, которого поймали на месте преступления.

Я поднял руку и помахал. И пошёл в «звуковую».

За спиной — грохот ведра. И тихий смех. Женский, негромкий, удивлённый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.